Война

Автор:
Роман Злотников

Война

Роман Валерьевич Злотников

Генерал-адмирал #4

1913 год. В армии Российской империи почти закончена переподготовка офицеров и унтер-офицеров. На заводах по всей стране разрабатываются и производятся новые типы оружия и боеприпасов. Правительство ведет тонкую международную политику. Великий князь Алексей Романов (бывший топ-менеджер из XXI века) уже сделал многое для того, чтобы неизбежная Первая мировая война не застала Россию врасплох. Но Россия только что прошла через жесточайший политический кризис, судьба монархии под угрозой, а война начнется очень скоро…

Роман Злотников

Война

С искренней благодарностью историку и писателю Борису Юлину за помощь и консультации при написании этой книги

Глава 1

– Ну как, Генрих Осипович, в сроки укладываемся?

– Да, ваше высочество, вполне. По верхней плотине даже с небольшим опережением идем.

Я кивнул, а Генрих Осипович Графтио, руководитель проекта и главный инженер строительства Днепровского энергетического каскада, которым в этом варианте истории неожиданно для меня стала та самая знаменитая Днепрогэс, потер лицо рукой.

Да-да, Днепрогэс как одной-единственной гидроэлектростанции и одной-единственной плотины здесь не будет. Вместо нее строится целый каскад из трех последовательных. Причем, как ни странно, одной из важных причин изменения проекта оказалось мнение церкви. Представьте себе… Просто при строительстве одной плотины высотой около шестидесяти метров, каковая была нужна для надежного, даже в случае сухого лета, затопления Днепровских порогов, под воду уходили такие территории, что число затопленных церквей достигало нескольких десятков. А монастыри? А часовни на кладбищах? Ну как же можно допустить такое кощунство?!

Я сначала, услышав протесты священников, едва на дыбы не стал, несмотря на всю мою нынешнюю религиозность. Нет, Русская православная церковь после отделения от государства и возрождения патриаршества довольно сильно изменилась. Достаточно сказать, например, что Льва Толстого у нас тут анафеме никто не предавал. Более того, Толстой умер монахом. И в монастыре. Он ввязался в церковную полемику еще во время дискуссии о преобразованиях в церкви да так до конца жизни из нее и не выходил. Что, по моему мнению, пошло на пользу как церкви, так и самому графу Толстому. Ну а за пару лет до смерти он все так же сдернул от свой жены Софьи, но не умер на полустанке спустя несколько дней после этого знаменательного события (возможно, оттого что отправился в бега не поздней осенью, а поздней весной). Лев Николаевич добрался до Одессы, откуда отбыл на паломническом корабле в Святую землю, где и принял постриг в русском Гефсиманском монастыре. Там он прожил полтора года, и все это время монастырь служил местом невероятного паломничества, причем не только русских, но и толп европейцев. К старцу Исаву – это имя он принял после пострига – приезжали нобелевские лауреаты по литературе Фредерик Мистраль, Пауль Хейзе, Морис Метерлинк и даже Киплинг, а также Бернард Шоу и еще не столь известный Ромен Роллан. Кроме того, там отметились представители множества царствующих домов Европы – от шведского и только образованного норвежского до греческого и испанского. Так что здесь Лев Николаевич, наоборот, сработал не против, а на повышение

авторитета как Русской православной церкви, так и Российской империи. Ибо мысли и пророчества «гефсиманского старца» широко распространялись и комментировались в большинстве европейских стран.

Впрочем, и церковь здесь тоже была совсем другой… И потому столь странный наезд насчет затопления храмов и прочего стал для меня совершенным сюрпризом. Нет, ну ладно бы церкви всегда и везде сохранялись в неизменности, но ведь они и разрушались во время войн, и сгорали, и приходили в запустение, если люди покидали свои села. И многие ли из тех церквей потом были восстановлены? Короче, не хрен мне здесь палки в колеса прогрессу ставить… Однако затем, когда всё подсчитали, предложенный проект каскада из трех ГЭС оказался, во-первых, на треть мощнее, и во-вторых, на четверть дешевле, чем проект станции с одной плотиной. Сначала я не поверил. Ведь если так, почему большевики-то построили одну плотину? Денег у них, что ли, больше было? Или все дело в развитии техники? Скажем, сейчас просто не выпускают достаточно производительных генераторов, поэтому и требуется поставить побольше менее мощных, а вот позже, в конце двадцатых – начале тридцатых подходящие генераторы уже появятся. Но когда я задал вопрос, меня убедили, что необходимые агрегаты для большой плотины построить вполне возможно, да только каскад из трех плотин все равно выйдет и мощнее, и дешевле, чем одна большая[1 - На самом деле точно такая же ситуация возникла и при постройке Днепрогэс в реальной истории. Проект с тремя последовательными плотинами, подготовленный инженером Графтио, также оказывался и на треть мощнее, и заметно дешевле. И дело было не в отсталости промышленности России/СССР того времени, ибо оборудование для Днепрогэс изготавливалось на лучших предприятиях. Концерн Круппа, например, делал трансформаторы и строительное оборудование – лесопильный завод и камнедробилки, а «Дженерал электрик» изготовила турбины. Шесть инженеров-консультантов – Франк Фейфер, Вильгельм Меффи, Фридрих Винтер, Георг Биндер, возглавляемые шеф-консультантом Хью Купером и инженером «Дженерал электрик» Чарльзом Томсоном, – были награждены орденами Трудового Красного Знамени. То есть уровень технологий и консультаций был очень высок. Проект одной плотины продавил Сталин. Ну захотелось ему. Денег, видно, было в СССР в то время в избытке. Куры не клевали… (Здесь и далее примеч. авт.)].

Набор аргументов сыграл решающую роль, и сейчас у нас тут вовсю строились три плотины. Стройка шла каскадом: если на первой плотине уже заканчивалась укладка бетона в тело плотины, на второй она должна была вот-вот начаться, а на третьей были в разгаре земляные работы. Так оказалось и разумнее, чем

вести работы параллельно на всех плотинах сразу, и быстрее – в первую очередь потому, что в отличие от периода Первой пятилетки в СССР у нас тут уже были и автомобильные, и экскаваторный заводы. Большие объемы земли на не слишком сложном рельефе у нас перемещались не вручную, лопатой и тачкой, а экскаваторами и грузовиками. На моем автозаводе под эти стройки на базе модели «Тур» даже был разработан первый в мире самосвал. Вот эта механизация, которую мы сумели методом, так сказать, научного тыка на строительстве первой плотины сбалансировать, то есть привести в соответствие количество экскаваторов, самосвалов и рабочих-землекопов с тачками и лопатами (поскольку не везде можно было работать экскаваторами, да и самосвалы проезжали не всюду), по окончании работ на первой плотине плавно переместилась на вторую, а теперь уже была внедрена на третьей. После чего весь этот окончательно сыгравшийся «оркестр» должен был отправиться на Волгу, где начать прокладку канала Волга – Дон со стороны Волги. Со стороны Дона канал уже била колонна, в прошлом году закончившая прокладку Онего-Беломорского канала…

Уж не знаю, успеем ли мы закончить весь каскад до начала войны, которая – у меня забрезжила слабая надежда – вспыхнет не раньше, чем в оставленном мною будущем, хотя, несмотря на все мои усилия, я теперь уже и сам не знал, в той же самой или совершенно иной конфигурации сторон. Как бы там ни было, если сроки примерно совпадут – первая станция каскада точно успеет дать ток, а на второй будет закончена плотина и начато наполнение водохранилища.

Ну а перед Господом и церковью я за свои непотребные мысли покаялся. Как физически и духовно – сходив на исповедь, так и материально – передав церкви пожертвование в три миллиона рублей, которые, как я знал, тут же ушли на покупку земель и строительство храмов, монастырей и паломнических центров в Святой земле. У России там и так были едва ли не самые крупные земельные владения, с моими же средствами и продажностью турецкой администрации Русская православная церковь в том регионе и вовсе должна была оказаться вне конкуренции. А это подразумевало не просто рост авторитета среди мирового христианства, но и очень серьезное влияние на будущее государство Израиль. Я планировал, что оно возникнет куда раньше, чем в той истории, что здесь знал только я. И как и в «моей» истории, оно будет обречено стать одной из ключевых точек в этом мире. Вот только отдавать абсолютный контроль над ним одной-единственной стране я здесь не собирался.

А вообще все развивалось вполне себе в рамках. С немцами я столковался. Переговоры с Теобальдом фон Бетман-Гольвегом завершились в феврале 1913 года. К тому моменту мы в основном закончили переподготовку офицеров и унтер-офицеров для формирования второочередных и третьеочередных корпусов, а также подготовку для них артиллеристов и пулеметчиков. Конечно, все эти кадры заметно уступали по уровню тем, что имелись в действующей армии. Все-таки три-шесть месяцев обучения – это не два года напряженной учебы и службы. Но с другой стороны, три-шесть месяцев – это не пять-семь недель, которые оказались бы в нашем распоряжении, если бы людей пришлось обучать после объявления мобилизации. Да и пять-семь недель – в лучшем случае, ведь за время мобилизации людей надо сначала собрать, одеть, вооружить, а потом еще и доставить в районы развертывания, вследствие чего даже при самом благоприятном развитии событий для трети личного состава время на обучение сокращается до одной-двух недель, а где-то десятой части мобилизованных вообще предстоит идти в бой практически с колес. А тут было три-шесть месяцев – бездна времени, если задуматься! Хотя по оценке Генерального штаба уровень боеспособности частей и соединений второочередных корпусов у нас достигал в лучшем случае категории В2, а третьеочередных не дотягивал даже до категории В. При том что в действующей армии он уже твердо держался на уровне Б3, да и то из-за недостатка положенного по штату вооружения. Но повысить уровень подготовки личного состава второочередных и третьеочередных корпусов мы просто не могли. Теперь все зависело от времени. Еще четыре-пять лет – и все второочередные и третьеочередные корпуса составят люди, отслужившие два года в действующей армии. То есть у нашей армии появится достаточный резерв подготовленных бойцов. И вот тогда можно будет сказать, что мы полностью готовы к войне…

Как бы там ни было, сложившееся положение уже позволяло нам относительно безболезненно пойти на требования немцев и существенно сократить армию. Что мы и начали делать. А выделенный мне консорциумом немецких банков кредит позволил не только полностью закрыть все платежи – текущие и на ближайшие два года, – но и запустить еще несколько проектов, как тайных, так и явных.

Из тайных самым главным были разработка и начало производства новых типов боеприпасов – стрелкового патрона калибра пять линий, то есть те же самые двенадцать и семь миллиметра, а также двух типов мин калибра восемьдесят семь и сто семь миллиметров.

Явных же было несколько. Так, например, мы запустили проект строительства делового центра во Владивостоке – на паях с Витте, плотно обосновавшимся в тех местах благодаря проданным ему мною активам, и с Теслой. Последний влез в проект по личным мотивам. Поскольку деловой центр строился с прицелом на Тихоокеанский регион, существенную часть деловых контактов предприятий, которые в этом центре разместятся, составят контакты с САСШ. А у Теслы, сделавшегося вполне успешным предпринимателем даже не общероссийского, а мирового масштаба, развилась прямо какая-то мания непременно и максимально наглядно доказать эту свою успешность американцам. Вот он и ввязался в проект, выводящий его на американцев почти напрямую.

Впрочем, мои затраты на этот проект покрывались вовсе не из полученного кредита. Поскольку в настоящий момент едва ли не лучшими строителями высотных многоэтажных домов являлись американцы, мой основной вклад в общее предприятие составили заказанные американским строителям и архитекторам проекты делового центра из двенадцати домов переменной этажности – от двадцати трех до двадцати семи этажей, а также подбор основного технического персонала – инженеров, прорабов, монтажников металлических конструкций, бетонщиков и так далее. И все это осуществлялось за счет аккуратного расходования тех средств, которые мы заработали в САСШ с помощью аферы Германо-американского общества промышленности и судостроения.

А вот расширение порта Дудинка и начало строительства железной дороги на плато Харыелах финансировались полностью за мой счет. Хотя в первоначальных планах, которые мы прикидывали с Кацем, этого не было. И вообще он, да и многие другие считали этот мой проект безумием. Ну да, Северный морской путь стал достаточно оживленной торговой магистралью, и в его портах уже ощущался дефицит угля, но предпринимать такие вложения, основываясь только на крайне общем отчете экспедиции Миддендорфа[2 - Александр Федорович Миддендорф – основоположник мерзлотоведения, российский путешественник, географ, ботаник и натуралист. В период своей экспедиции в Северную Сибирь и на Дальний Восток в 1842–1845 гг. открыл плато Путорана, стал первым исследователем полуострова Таймыр, Северо-Сибирской низменности, Амурско-Зейской равнины, Станового хребта, нижней части бассейна Амура, южного побережья Охотского моря, Удско-Тугурского Приохотья, Шантарских островов. Отчет Миддендорфа об экспедиции был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири.], который ни разу не был геологом и не мог даже приблизительно оценить запасы угля на месторождениях, всем казалось несусветной глупостью.

Да, если здесь пласты угля будут достаточно большими, а стоимость их добычи не слишком высокой – все вложения окупятся. А ну? как нет? Да и будет ли Северный морской путь эксплуатироваться настолько интенсивно, чтобы проглотить такой объем добытого угля, который сделал бы рентабельной и добычу, и постройку железной дороги, и расширение Дудинского порта? При нынешнем трафике все это было весьма сомнительно.

Но я знал, что именно здесь в покинутом мною будущем располагались город Норильск и Норильский горно-металлургический комбинат – крупнейший производитель никеля в мире, на долю которого, кроме того, приходилась почти половина всего мирового производства палладия, пятая часть платины и десятая часть кобальта, а также медь, золото и еще много другого. Уголь меня интересовал здесь далеко не в первую очередь. Впрочем, он вполне способствовал тому, чтобы замаскировать мои действительные планы.

Далее, в Бугульме начиналось строительство завода пластмасс, на котором предполагалось разворачивание производства карболита, русского аналога бакелита, и изделий из него. Как и для чего использовать дешевую и негорючую пластмассу во время войны – идей было море.

А еще мы начали проработку проектов Волжско-Камского каскада ГЭС. И здесь я тоже внес коррективы относительно того, что натворили господа большевики в покинутом мною будущем. Скажем, никакого Рыбинского моря здесь не появится. Так разрушать климат и экологию гигантского края мы не будем[3 - Создание Рыбинского водохранилища потребовало переселить на новые места 130 тысяч человек – жителей 663 селений и города Мологи. Были затоплены три четверти территории Весьегонска, Леушинский монастырь и Югская пустынь. Ушла под воду и была изъята из хозяйственного оборота восьмая часть ярославской земли, в том числе 80 тысяч га лучших в Поволжье пойменных заливных лугов, травы которых по своему качеству не уступали травам с альпийских лугов, более 70 тысяч га веками возделываемой пашни, более 30 тысяч га высокопродуктивных пастбищ, более 250 тысяч га грибных и ягодных лесов. Лето стало более влажным и прохладным, в окрестностях перестали вызревать пшеница и лен.]. Зато общее число гидроэлектростанций выросло почти втрое, что позволило создать постоянно действующую цепочку, когда часть строителей, задействованных на земляных работах, закончив с первой плотиной, переходила на следующую, передав эстафету бетонщикам, а затем уже бетонщики переходили на другой объект, и у них эстафету принимали монтажники.

Конечно, с началом войны и мобилизации численность рабочих рук на стройках сильно сократится, но я рассчитывал, что ненадолго. На смену нашим мужикам, по моим планам, должны были прийти пленные. Если уж в истории, известной здесь только мне, та русская армия, которая у нас имелась, сумела в Галицийской битве захватить сто тысяч пленных, то неужели здесь будет хуже?.. Нет, принуждать пленных к работе силой мы не собирались – конвенциями запрещено-с, а их мы намерены соблюдать свято и будем жестко требовать того же от остальных воюющих государств. Но неужто здоровые мужики, попавшие в плен, откажутся собственным трудом улучшить свой рацион питания и даже заработать? Ибо да, я готов был платить пленным за работу. По твердым расценкам. И… вычитать из заработка расходы на охрану, усиленное питание, теплую одежду, инструмент и так далее. То есть золотые горы будущие пленные по окончании войны вряд ли получат, но все равно вернуться с войны с каким-никаким заработком в кармане – всяко лучше, чем в гробу или без рук без ног… Но это дело будущего, причем не такого уж и ближайшего. Война на носу.

В общем, я опять рискнул. Теперь, если война разразится до конца 1914 года, причем в той же конфигурации, в какой она началась в «моем» XX веке, – у меня все будет в порядке. Даже немцы не настолько идиоты, чтобы требовать выплаты процентов у премьер-министра страны, с которой они воюют. Да и если даже меня вдруг скинут с большинства официальных постов, как минимум генерал-адмиралом я точно останусь. Но если мир затянется, мне будет очень тяжело производить резко повысившиеся выплаты. Потому что по заключенному кредитному соглашению первые два года я должен был выплачивать только проценты, а вот на третий начиналось погашение основной части долга. Просто фантастические условия, надо сказать… Ну да покупка премьер-министра Российской империи стоит и не таких денег. А немцы если и не были уверены, то очень сильно надеялись на то, что они меня купили. Ну, не совсем, конечно, все-таки мои суммарные активы в разы превышали весь полученный мною кредит, да и не тот я человек, чтобы прыгать на задних лапках. Но в том, что они посадили меня на крючок, немцы не сомневались. Они же тоже просчитали, что большинство тех проектов, в которые я вкладывал полученные от них деньги, через два года еще не успеет запуститься и начать приносить прибыль. Многие – да, но большинство – нет. А значит, отдавать деньги мне будет особенно не с чего, потому мне вновь потребуется кредит – и я буду знать, где смогу его взять. Ведь именно так должен мыслить промышленник… Так что, помимо сокращения армии, мне было предложено приложить максимум усилий для того, чтобы количество и пропускная способность железных дорог на территории европейской части России не увеличивались. А также уменьшить количество

дредноутов в Балтийском море, да и вообще максимально ослабить Балтийский флот. То есть сделать обратное тому, чего от нас добивались англичане.

Поскольку это полностью, ну вот стопроцентно отвечало и нашим собственным планам, я сразу после возвращения из Либавы объявил о том, что Россия создает Североморскую эскадру, для чего на Север переводятся два дредноута из шести, которые уже успели передать нам англичане, а также четыре броненосных турбинных крейсера постройки 1904–1905 годов, дивизион новых и два дивизиона старых эсминцев из состава Балтийского флота. В принципе эта эскадра тянула уже на полноценный флот какого-нибудь не слишком развитого, но и не совсем уж отсталого государства типа Испании. К тому же я не исключал, что туда же отправятся и два последних дредноута, ибо с их постройкой англичане немного затянули. Ну да они бросили все силы на ускорение строительства кораблей для своего флота – войной-то тянуло уже сильно. Англичане взяли кредиты в САСШ и у союзников-французов, поднатужились и заложили аж восемь современных супердредноутов с пятнадцатидюймовой артиллерией главного калибра…

Мое заявление о Североморской эскадре вызвало сильное недовольство англичан, но я успокоил прибывшую делегацию разъяснением, что это всего лишь демонстративный шаг, вызванный непременным требованием немцев. Сами, мол, знаете – базироваться такому количеству кораблей на Севере просто негде: нет пирсов, запасов топлива, продовольствия, котловой воды, нет береговой обороны, даже казарм для отдыха команд на берегу, и тех нет. Так что перебросим корабли, подержим там некоторое время, да и вернем потихоньку обратно – для отдыха команды и ремонта.

В мае 1913 года Северная эскадра с кораблями снабжения вышла в далекий поход к Кольскому заливу, неподалеку от устья которого уже строился город и порт Романов-на-Мурмане. Базу флота планировалось заложить чуть севернее, в поселке Ваенга, где сейчас спешно сооружались временные пирсы, способные принять корабли водоизмещением до пяти тысяч тонн. Увы, для дредноутов в ближайшее время мы просто не успеем ничего построить. Но если война начнется в известные мне сроки, у нас есть еще почти полтора года. Что-то да сделаем…

– Стало быть, успеваем? – уточнил я у Графтио.

– С первой плотиной – непременно, – кивнул он, – со второй – очень вероятно. А вот с третьей не могу гарантировать. Увы, там возникли кое-какие проблемы.

– А что такое?

– Опять плывун, – вздохнул Генрих Осипович. – Мы уже отстаем от графика на две недели. А насколько отстанем к концу лета – даже не могу предположить.

Я улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Генрих Осипович, жизнь есть жизнь, все предусмотреть невозможно. – Хотя у самого кошки на душе скребли – я просто физически ощущал, как уходит время. Успеть, успеть, успеть… Успеть не только и уже даже не столько подготовиться к войне, но заложить основание для резкого рывка после ее окончания. Дать России возможность выстрелить. Добиться такой конфигурации экономики, при которой по заключении мира (уж с какими там итогами закончится будущая бойня – бог его знает) страна будет способна совершить начальный рывок, который затем перейдет в долгий подъем.

В Санкт-Петербург я возвратился 30 июня и был немедленно вызван к государю, ибо резко обострилась ситуация на Балканах. Оказалось, наши православные балканские братья, едва успев разобраться с турками, тут же сцепились между собой и сейчас болгарская армия перешла в наступление на Сербию и Грецию. Это означало полный и совершеннейший крах русской политики на Балканах, и я сильно порадовался тому, что в свое время прислушался к намекам Николая и вообще не полез в балканские дела. Похоже, они с Сазоновым тогда решили, что у них там всё на мази и потому не надо ни с кем делиться будущим триумфом. И вот такой облом… На этот раз Николай счел полезным включить меня в круг людей, перед которыми стояла задача разобраться, что же нам теперь делать с теми осколками, в которые превратились русские позиции на Балканах.

– Ну-с, господа, – начал император, – я думаю, ни для кого не секрет, каков предмет нашего сегодняшнего совещания. Итак, кто хочет высказаться?

– Позвольте мне, ваше величество… – поднялся Сазонов. – Ваше величество, ваше высочество, господа, как вы все уже знаете, ситуация на Балканах складывается для Российской империи катастрофически. Наши долгие усилия по

организации Балканского союза потерпели крах. Более того, теперь мы не можем исключить того, что в случае нашего столкновения с Австро-Венгрией на ее стороне, кроме Германии и Италии из Тройственного союза, выступят и…

Сазонов продолжал говорить, а я сидел и рассматривал карту театра военных действий. И она мне нравилась. Очень нравилась. Дело было в том, что в настоящий момент, по итогам Первой балканской войны, завершившейся 30 мая 1913 года подписанием Лондонского мирного договора, Болгария получила выход к Эгейскому морю. А это означало, что между основной территорией Греции и той частью Турции, где находился Стамбул, появилась этакая болгарская прослойка. А ведь я уже довольно долго ломал голову, как, если нам удастся-таки воплотить вековую мечту и попутно здравую экономическую идею о захвате черноморских проливов, исключить или хотя бы ослабить давление на нас греков. Ну вот хоть убейте не верил я, что греки способны согласиться с тем, что их древняя столица Константинополь будет принадлежать кому-то, кроме них. Константинополь для греков был чем-то вроде Эльзаса и Лотарингии для французов. И если граница здесь пройдет примерно так, как она проходила в покинутом мною будущем, то есть в районе Эдирне, то греки определенно окажутся в конфронтации с нами. Уровень конфронтации, естественно, будет меняться – возрастая в периоды ослабления России и падая в то время, когда Россия будет сильна, – но она не исчезнет. Потому что Россия будет владеть их городом. И не стоит относиться к грекам пренебрежительно – мол, маленькая, слабая страна от которой ничего не зависит. Во-первых, зависит. Эвон в покинутом мною будущем греки весь Евросоюз за яйца взяли и раком поставили… Шутка. А если серьезно, то я считаю, что многое зависит от мотивации. Что маленький человек или маленькая страна, сильно замотивированные на что-то, могут доставить сильным мира сего очень большие неприятности. Да и вообще конфронтация с греками – это глупость, усложняющая жизнь и нам, и грекам. Так что лучше бы ее не было. А для этого наличие между нами и греками болгарской «подушки» весьма полезно. Проблема заключалась в том, что в отличие от покинутого мною будущего, в котором болгары долгое время были нашими едва ли не самыми близкими друзьями и ходили слухи, будто Тодор Живков даже обращался в Верховный Совет СССР с просьбой принять его страну в состав Союза в виде шестнадцатой республики, здесь и сейчас Болгария нашим другом никак не являлась, несмотря на то что именно мы во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов освободили болгар от турецкого владычества. Впрочем, вина самих болгар в таком положении дел была не так чтобы велика. Просто после поражения Турции в той войне в ситуацию тут же вмешались наши нынешние «друзья и союзники» англичане вкупе с австрийцами, которые потребовали пересмотра

уже заключенного между Российской и Османской империями Сан-Стефанского мирного договора. Что и произошло на состоявшемся через три с половиной месяца в Берлине конгрессе, который закончился подписанием Берлинского трактата. Это привело к тому, что сейчас во главе Болгарии стоял австриец, никогда не забывавший своих корней. А это в свою очередь, учитывая, что Австро-Венгрия нынче являлась самым последовательным недругом России, делало Болгарию по отношению к нам в лучшем случае нейтральной страной.

Ближайшим союзником России на Балканах являлась Сербия. Но сербы всегда были себе на уме – это я помнил еще и по покинутому мною будущему. И во времена Советского Союза Тито вел независимую политику, являясь едва ли не пятой колонной Запада среди стран социалистического содружества, и после сербы вспоминали о славянском братстве, только когда непомерные амбиции заводили их в глубокую жопу, откуда они не могли выбраться самостоятельно. А все остальное время сербы считали себя великой нацией, с которой все априори должны считаться. И даже когда мы за них таки подписывались, часто бывало, что сербы сдавали назад, и не подумав согласовать свои телодвижения с теми, кого еще сутки назад жарко именовали «братьями». Но при всем при этом они были и славянами, и православными. То есть как ни крути – своими. Просто с ними надо держать ухо востро и помнить, что предают-то как раз свои, а не чужие. Чужим ты уже заведомо не доверяешь, поэтому шанса предать они не имеют…

– …А что по этому поводу думает господин премьер-министр? – долетел до меня голос Николая.

Я отвлекся от своих мыслей и дернулся, собираясь подняться на ноги, но император махнул мне рукой, позволяя отвечать сидя.

– Ну, я считаю, что нам надо сделать заявление, – произнес я и замолчал.

Все переглянулись. Именно об этом пятнадцать минут вещал Сазонов. Это что, всё? Но я продолжил:

– Вот только я бы не старался ясно выразить позицию России по этому конфликту… То есть надо, конечно, заявить прямо и твердо: мы крайне сожалеем, что православные народы уничтожают друг друга в тот момент, когда у них имеются давние и сильные враги. Но вот о том, какую из сторон в

этом конфликте мы поддерживаем, а какую считаем виновной в его возникновении, я бы умолчал.

– Но как же так? – взволновался Сазонов. – Информация, которую мы получили по дипломатическим каналам, ясно показывает, что инициатива в развязывании этого конфликта принадлежит Болгарии…

– Ну и что? – спокойно спросил я.

– Но Сербия – наш давний и верный союзник!

– То есть ее участие в Балканской войне… вернее, в Первой балканской войне – это не что иное, как выполнение Сербией своего союзнического долга перед нами? – уточнил я.

Сазонов смутился. Я вздохнул:

– Господа, насколько я понимаю, все здесь уверены, что большая война не за горами. И нам с вами предстоит приложить максимум усилий для того, чтобы Россия подошла к этой войне не только максимально подготовленной, но еще и в составе такой коалиции, которая, во-первых, в этой войне победит, и во-вторых, позволит России после войны занять такие позиции в мире, которые дадут ей возможность серьезно усилиться. Это кем-то оспаривается?.. Хорошо. Так вот, я считаю, что нам в данный момент следует перенять манеру англичан и в первую очередь задуматься над тем, что России выгодно, а не что предписывают нам те обязательства, которые мы на себя приняли. Все наши так называемые союзники между прочим за время действия союзных договоров уже как минимум по разу предприняли действия, направленные во вред России.

– То есть вы предлагаете отказаться от уже заключенных договоров? – ехидно осведомился Сазонов.

– Я предлагаю взять пример с союзников и поставить в первую голову интересы страны, – спокойно ответил я. – При этом я рассчитываю на вашу помощь и совет в том, как это сделать таким образом, чтобы у наших союзников не было повода разорвать заключенные договоры и, более того, не возникло желания превратиться из наших союзников в наших противников. Поскольку я считаю вас, Сергей Дмитриевич, большим специалистом в своем деле, а ваши советы –

ценными и необходимыми.

Тут Сазонов слегка смутился.

– И все же, – вернул разговор в конструктивное русло император, – что ты предлагаешь, дядя?

– Я предлагаю подготовиться к тому моменту, когда народное возмущение вынудит царя Болгарии Фердинанда Первого отречься от престола.

Все ошеломленно уставились на меня. Николай тоже взирал на меня с нескрываемым удивлением. Как – желать, чтобы государь, самодержец и помазанник Божий, был свергнут грязной толпой? Да что он такое говорит?! Да такое даже произносить кощунственно!

– Правильно ли я понял, дядя, что вы призываете нас поддержать болгарскую революцию? – холодно спросил Николай, перейдя на вы.

– Да ни боже мой! – всплеснул я руками. – Скажете тоже, государь. Просто… – я сделал максимально одухотворенную рожу, – я верю в то, что болгарский народ помнит, кто принес ему свободу от османского рабства, и он будет возмущен попыткой втянуть Болгарию в войну на стороне Тройственного союза. А Фердинанд Первый – честный человек и, я думаю, приложит все усилия, чтобы помочь своей Родине, я имею в виду, естественно, не Болгарию, а Австро-Венгрию. Вот тогда конфликт между государем, который, как вы помните, не является плотью от плоти своей страны, а навязан нашей сестре Болгарии извне, и братским нам болгарским народом будет неминуем. А в этом случае наибольшую выгоду из ситуации извлечет тот, кто окажется к ней лучше всех готов, не так ли? – Я замолчал.

Собравшиеся тоже молчали, обдумывая мои слова. Для меня подобные действия давно уже не были новыми. Я уже делал некие, так сказать, «закладки» на будущее. Именно такими «закладками» были и офицеры, отправленные в княжества и эмираты Персидского залива, и приглашение на обучение в русской Академии Генерального штаба офицера Персидской казачьей бригады Резы Пехлеви.

– И что вы хотите предложить в связи с этим? – осторожно спросил Сазонов спустя пять минут.

Я пожал плечами и улыбнулся:

– Пока я не готов представить развернутый план. Сейчас мне в голову приходит только установление связи с людьми, способными поддержать глубинные чаяния своего народа и в то же время не допустить катастрофического развития событий. Скажем, той же революции. Ну и я бы предпринял некоторые усилия для установления еще более тесных отношений с наследником болгарского престола. Он, в отличие от отца-католика, православный, в прошлом году окончил военное училище, да и ваш крестник, ваше величество. И отношения с отцом у него довольно натянутые. К тому же молодой человек не чужд технике – насколько я знаю, он имеет диплом железнодорожного механика. Может быть, стоит пригласить его поучиться в какой-нибудь нашей авиашколе?

Лицо Николая, которое в течение всего моего выступления «украшала» угрюмая складка, разгладилось, и государь улыбнулся. Похоже, он действительно подозревал меня в желании устроить в Болгарии революцию. Вот чудак… Нет, я понимаю, что все революции, в том числе и Февральская, логичным продолжением которой в моей истории стала катастрофическая Великая Октябрьская и которая здесь, даст Бог, не состоится, были подготовлены такими, как я, представителями крупного капитала. Им, представителям, уже мало было богатства, а захотелось еще и власти, независимости. Ну или они просто заигрались в конкурентную борьбу[4 - История взаимоотношений крупного капитала и революционеров крайне сложна и запутана, но, как сегодня уже совершенно ясно, не имеет под собой практически никаких идеальных мотивов. То есть «сочувствие» того же Саввы Морозова или, скажем, бакинских нефтепромышленников революционным идеям объясняется чисто меркантильными причинами – от банального рэкета революционеров, построенного на угрозе организовать забастовки на предприятиях, принадлежащих промышленникам, до исполнения проплаченных заказов на беспорядки и парализацию работы на предприятиях конкурентов.]. Но весь доступный мне исторический опыт показывает, что революция – это такое дело, которое никогда не идет по плану и никогда не исполняет того, что было обещано, условлено и спрожектировано. А если даже на каком-то этапе и исполняет, то потом все равно наподдает всем так, что никому мало не кажется. Вон большевики честно сдержали свои обещания, данные немецкому Генеральному штабу, – вывели Россию из войны и заключили позорнейший

Брестский мир. И что? В конце концов немцам эта помощь так аукнулась, что лучше бы они оставили те деньги, что пошли на финансирование большевиков, в своем кармане. Нет, в первую очередь хреново пришлось, конечно, России, но она-то хоть в отличие от Германии за это не платила… Так что у меня и мысли не было способствовать революции где бы то ни было. А дворцовый переворот – это ничего, это приемлемо, этого в истории монархий хоть ложкой ешь.

– Ну что ж, – задумчиво произнес Николай, – я думаю, что могу позвать крестника в гости и сделать ему такой подарок. И я думаю, он от подарка не откажется.

– А как к этому отнесется Фердинанд Первый? – осторожно поинтересовался Сазонов.

– Он всегда прилагал усилия к тому, чтобы наладить отношения с нами, – усмехнулся государь. – Недаром он пригласил меня на роль крестного отца. Так что, полагаю, с этой стороны трудностей не будет. А вас, дядя, я попрошу продумать, чем и как мы займем нашего гостя, пока он будет находиться в России. Ну, – Николай снова усмехнулся, – я имею в виду, помимо светских развлечений.

– Означает ли это, что мы переносим центральную опору нашей балканской политики из Сербии в Болгарию? – снова задал вопрос Сазонов, преданно глядя на государя.

– Я считаю, что нам пока преждевременно принимать такие решения, – влез я. – Давайте подождем и посмотрим, чем закончится эта дурацкая война. Если Болгария победит – то вряд ли. Победители склонны, так сказать, закусывать удила и меньше прислушиваться к любым советам со стороны. Ну а не победит… – Я пожал плечами. – Там поглядим.

После совещания у императора я поехал в военное министерство и вызвал к себе Бурова.

– Садись, – кивнул я, когда он вошел ко мне в кабинет. – Как наши дела?

– Всё своим чередом, – улыбнулся капитан I ранга. – «Морячки» плавают, «железнодорожники» ездят, сведения капают.

С весны нынешнего 1913 года около двух десятков молодых мичманов и лейтенантов из числа личного состава минных и подводных сил русского флота были отозваны из экипажей и прикомандированы ко Второму интендантскому управлению флота, занимающемуся разработкой новой формы для подводников и экипажей эсминцев. В принципе форма была уже готова и представляла собой комплекты из непромокаемых плащей, курток, брюк и плотных кожаных фуражек-кепи. Каучука у нас благодаря плантациям на Самаре уже было достаточно, а размер этих плантаций все увеличивался и увеличивался. И вообще мы тихой сапой подгребали под себя Филиппины, которым испанцы в 1905 году предоставили столь широкую автономию, что острова уже могли считаться практически независимым государством. А вот связи Филиппин с Россией за это время, наоборот, существенно укрепились. Да что там говорить, если в почти полностью подконтрольной Российской империи Маньчжурии жило уже около двух миллионов филиппинцев. И около ста тысяч – на территории русского Приморья. Но при трех с половиной миллионах русского населения в том регионе это была не сильно критичная цифра. А вообще за Уральским хребтом у нас ныне проживало более восьми с половиной миллионов человек. Естественно, не считая мою «вотчину»…

Так вот, форма уже была готова. Но на самом деле людей отзывали вовсе не для участия в ее разработке. Эти ребята, пройдя короткие курсы, в первую очередь направленные на ознакомление с основами оперативной работы и правилами нелегальной, поскольку далее им предстояло действовать, так сказать, «под прикрытием», переодевались в обычные матросские робы и отправлялись в команды нескольких торговых судов, совершающих каботажные рейсы по южному побережью Балтийского моря и востоку Северного. Там они, кроме обычной матросской работы, были заняты тем, что составляли крайне подробные карты побережья и прибрежных вод вокруг основных немецких портов – без этого невозможно было рассчитывать на успех действий наших легких сил, а особенно надводных и, главное, подводных минных заградителей, коих у нас на Балтике уже имелось аж два дивизиона. Правда, в таком количестве они присутствовали только на Балтике. Увы, морскую кораблестроительную программу мне приходилось резать и резать, ибо прежде всего деньги шли на перевооружение армии и накопление мобилизационных запасов для нее… К настоящему моменту мы уже почти закончили подробное картографирование Кильской бухты, устья Одера, Кенигсбергского залива и подходов к Данцигу. Сейчас шло интенсивное уточнение гидрографии.

Что же касается второй группы офицеров, которую Буров обозвал «железнодорожниками», то они были из состава инженерных войск и, как ни странно это звучит, кавалерии. «Железнодорожники» изображали из себя членов паровозных бригад и занимались тщательным изучением железнодорожной сети Германии – хронометрированием перегонов между станциями, фиксированием наличия и расположения оборудования на этих станциях, то есть всяких там водокачек, семафоров, угольных складов и прочего, а главное – наличия и состояния железнодорожной инфраструктуры: мостов, насыпей, опорных стенок и так далее. Я собирался вести предстоящую войну отнюдь не так, как здесь привыкли. Немцы полагались на свой план Шлиффена – ну что ж, флаг им в руки. Вот только с какого это бодуна они так уверены, что их возможности по переброске войск на Восточный фронт после начала войны сохранятся на уровне мирного времени?..

– Тебе будет работа, – заявил я Бурову.

Он хмыкнул – мол, а когда его вызывали зачем-то еще?

– Довольно скоро к нам прибудет государев крестник – наследник болгарского престола принц Борис. Он станет обучаться в одной из наших авиационных школ. Скорее всего, в Царицинской.

Буров кивнул. Царицинская школа негласно считалась моей. Она была самой большой и хорошо оснащенной, и там учили не совсем тому, чему в большинстве других школ. Ну, например, «воздушной акробатике», как пока назывался высший пилотаж, и «правилам наблюдения». Так что к настоящему моменту Россия имела уже почти тысячу отлично подготовленных летнабов[5 - Летчиков-наблюдателей. На заре авиации пилотирование самолета требовало постоянного внимания, технических же средств разведки еще не существовало, поэтому в составы экипажей самолетов-разведчиков начали включать специальных летчиков-наблюдателей. Эта профессия существует до сих пор, например в пожарной авиации, а в ВВС на смену летнабам пришли авиационные фотоаппараты и станции инфракрасной и радиолокационной разведки.]. А что вы думаете – очень сложное искусство. Попробуйте-ка с высоты, с качающейся и обдуваемой сильным ветром платформы, каковой является самолет, среди массы элементов рельефа рассмотреть группу людей и понять, чем они занимаются. Или на взгляд определить численность воинской колонны, сколько там – сто человек, тысяча, три тысячи? А эти ребята умели по косвенным признакам

вычислить даже войска, замаскировавшиеся в лесных массивах, и по звукам залпов, а также по схеме расположения батарей назвать тип и даже калибр ведущих огонь орудий. Ну и, появись у нас бомбардировочная авиация, из этих ребят будет очень легко подготовить штурманов.

Еще одна «моя» авиашкола была расположена в Балаклаве, но там готовили летчиков и летнабов для морской авиации.

– Так что ты специально группу «под царевича» не формируй, но подбери в нее человек пять-шесть из тех, кто верен стране и при этом способен стать болгарину близким другом. И командира группы. Лучше из числа ветеранов Русско-японской. Посоветуйся с Сандро, кого лучше.

– Задачу ставить? – уточнил Буров.

Имелось в виду, ставить ли людям задачу на непременное завязывание близкого знакомства с принцем с последующим внедрением в его ближайшее окружение. От этого зависело и то, кого Буров подберет. К некоторым вполне перспективным в плане установления дружеских отношений с принцем офицерам с подобным предложением и подходить не стоило – возмутятся, а то и на дуэль вызовут.

– Нет, не надо. Пусть идет как идет, – мотнул я головой. – Получится у кого-то подружиться – хорошо, пригласит кого-нибудь с собой – отлично, а нет – пусть просто останутся хорошие воспоминания.

Буров кивнул.

– Как там наши «арабы»?

– Нормально. Больше потерь нет. У двоих намечаются свадьбы…

Из одиннадцати человек, отправленных нами в район Персидского залива, мы потеряли троих. В основном из-за чрезвычайно низкого уровня медицины в том регионе. Один умер от лихорадки, второй – от гангрены после полученной на охоте травмы, а вот с третьим все было не так однозначно. Вполне возможно, здесь поработали наши «друзья» с туманного Альбиона. Но остальные вполне

прижились, осмотрелись и сейчас активно работали по формированию в тех местах пророссийского лобби. Причем небезуспешно. Так, в настоящий момент в Шляхетском корпусе уже учились около десятка отпрысков влиятельнейших арабских родов, и каждый год мы принимали туда еще по два-три человека. Шестеро сыновей арабских вождей поступили в различные военные училища от Павловского пехотного до Михайловской артиллерийской академии и той же Царицинской авиашколы.

– А как с Цеппелином?

– Там тоже все нормально. Стажировка механиков и пилотов подходит к концу, через месяц забираем первый аппарат, через три – второй. – Буров сделал короткую паузу, потом осторожно поинтересовался: – Алексей Александрович, может, закажем еще пару? Они нам очень не помешали бы…

– Нет, хватит двух. При всех достоинствах у цеппелинов и недостатков море. Начиная с того, что они вследствие использования водорода – летающие бомбы. Но и других хватает. Так что пары аппаратов с обученной командой для апробирования и прикидки возможностей достаточно, а более денег тратить не будем.

История XX века подсказывала мне, что дирижабли – тупиковая ветка. Но кто его знает, так ли это на самом деле? Поэтому я еще год назад выделил деньги на заказ пары цеппелинов и подготовку экипажей для них, одновременно заложив мощную базу для этих аппаратов под Павловском. Если окажется, что недостатки дирижаблей преувеличены, а достоинства, с учетом реалий нашей страны и запланированного мною перехода на заполнение аппаратов гелием, недооценены, развернем там же первый завод, а нет – плавно закроем проект…

После встречи с Буровым я отправился в Генеральный штаб к генералу Кондратенко. Роман Исидорович только что вернулся с инспекционной поездки в Закавказский и Приволжский военные округа. В Приволжском сейчас формировались два новых объединения русской армии – Первый и Второй конные корпуса.

Подобные корпуса на протяжении последних ста лет в русской армии то создавались, то упразднялись, и вот теперь настало время очередного

воссоздания. Для этого мы ободрали несколько первоочередных корпусов, выведя из их состава кавалерийские дивизии. На новые корпуса возлагались очень большие надежды, которые должны были оправдаться в начале войны. В их состав, кроме кавалерийских соединений, изрядно усиленных пулеметами, входили обычный для любого русского корпуса авиаотряд и очень необычные саперно-вьючные бригады, способные поддерживать маршевую скорость кавалерийских частей, а также по автобронеотряду из сорока пулеметных броневиков со всеми сопутствующими службами – от ремонтной до топливозаправочной. Причем вся техника – от бронеавтомобилей до топливозаправщиков – создавалась на единой базе. Ну и еще для выполнения задач, под которые как раз и формировались эти самые конные корпуса, и во взаимодействии с ними, а также в качестве средства армейского усиления, организовывались отдельные бригады бронепоездов. В бригаде предусматривалось по два бронепоезда с составами поддержки – базой, представлявшей собой обычный эшелон с пассажирскими вагонами, в которых личный состав бронепоездов жил в период, когда не велись боевые действия, – и составом обеспечения, в котором вслед за бронепоездами перевозились боеприпасы, запас продуктов, неприкосновенный запас топлива и воды и запас колесных пар под немецкую и австрийскую колею. Поскольку ширина железнодорожных путей у нас и у немцев была разной, бронепаровоз и броневагоны снабжались встроенными ручными домкратами – с их помощью команда бронепоезда способна была самостоятельно осуществить замену колесных пар. Хотя, так сказать, в штатном режиме переход на другую колею планировался с использованием мощностей железнодорожного ведомства… Кроме того, в состав каждой бригады входили несколько бронедрезин, вооруженных четырьмя пулеметами и парой старых сорокасемимиллиметровок Гочкиса, снятых с устаревших крейсеров и миноносцев. Они предназначались для разведки и боевого охранения.

Ну а в Закавказском военном округе шло формирование двух горнострелковых бригад для действий в гористой местности. Под эти первые бригады на моем Магнитогорском артиллерийском заводе, в опытном цеху, в условиях строжайшей секретности была произведена первая партия минометов одного из стандартных для русской артиллерии калибров – сто семь миллиметров. Хотя для минометов калибр мог быть любым. Все равно технология изготовления минометных стволов гораздо проще таковой для обычных орудий. Так что выигрыш от одинакового калибра был невелик. Ну да мы не стали множить сущности сверх необходимого. Хотя я иногда задумывался, что, может, и стоило. С нашей вечной безалаберностью получить ситуацию, когда к орудиям будут по ошибке доставлены мины для минометов, а к минометам артиллерийские

снаряды, – как нечего делать. Впрочем, эта проблема решалась внедрением различной формы упаковки…

– Ну, Роман Исидорович, чем порадуете?

– Да в общем есть чем, Алексей Александрович, – отозвался Кондратенко. – Все идет как надо. Кстати, должен перед вами извиниться. Ваши офицеры из бригад морской пехоты действительно очень помогли. Благодаря им учебный процесс наладился куда быстрее, чем я ожидал. И верховую езду они уже вполне освоили. Так что все в порядке. К лету следующего года мы будем иметь вполне боеготовые объединения. На уровне Б2, не менее.

Я ухмыльнулся. Ну дык, а я что говорил? Я же именно с этих частей и начал внедрение нормальной системы боевой подготовки, и к настоящему моменту морпехи на этом деле собаку съели.

– А что там с горными стрелками?

– С этими еще лучше. Они уже сейчас могут считаться достаточно подготовленными. Ну да мы горнострелковые бригады, как вы помните, сразу начали разворачивать на базе частей, уже привычных к действиям в горной местности. А инструкторы, которых предоставил господин фон Мекк[6 - Александр Карлович фон Мекк – основатель и председатель Русского горного общества.], только улучшили ситуацию. Более того, подчиненные капитана первого ранга Бурова установили связи с армянами-контрабандистами и сейчас понемногу знакомят офицеров с будущим театром военных действий. Начальник штаба Первой горнострелковой подполковник Нежич вообще до озера Ван добрался, переодевшись армянином. Он из сербов, с его южнославянской мастью это несложно. – Кондратенко вздохнул. – Эх, ваше высочество, ежели бы мы так к той турецкой готовились…

Я грустно усмехнулся:

– Если бы мы так к прошлой турецкой готовились, мы либо разорили бы страну вконец, еще не начав войну, либо воевали бы не только с турками. Да и сейчас все не так благообразно – бюджет трещит по швам. Если честно, мы сейчас держимся только за счет того, что сразу после Русско-японской резко сократили армию и заморозили военный бюджет, что позволило стране немного набрать

жирок, который ныне стремительно проедаем. А сколько бы на эти деньги можно было полезного для страны сделать! Так что и кляну я эту будущую войну и… боюсь – а ну? как не начнется? Чем тогда оправдаться-то?..

Кондратенко опять вздохнул:

– Да начнется она, окаянная, начнется… Ну, даст Бог выдюжим. Мы к ней, конечно, не совсем готовы, Алексей Александрович, но ей-богу, по сравнению с тем, в каком состоянии Россия вступала в русско-турецкую, да и в Крымскую войны, – небо и земля. Когда это мы имели мобилизационный запас боеприпасов в три четверти от положенного? У нас же всегда буквально с первого выстрела тут же дефицит патронов образовывался. Даже в Русско-японскую еле сдюжили… А ежели до следующего лета доживем – так и вообще полный мобзапас будем иметь.

– Будем, – кивнул я и, улыбнувшись собственным мыслям, добавил: – Непременно будем.

Что ж, хотя последние два года мы шли по лезвию бритвы, пока все говорило о том, что Россия подойдет к мировой войне куда более сильной и подготовленной, чем в той истории, которую здесь знал только я. А стало быть, все складывается просто отлично!

Я даже не представлял себе, как сильно ошибался…

Глава 2

Как будто в насмешку, Первая мировая война началась здесь тоже в 1914 году. Но совершенно в других условиях. А именно, в момент, когда Россия только-только прошла через жесточайший политический кризис. Вроде как прошла. Потому что действительно ли она через него прошла или нам с императором так только казалось, точно сказать было еще нельзя…

После того как в начале Русско-японской войны по России прокатилась волна репрессий против подпольных организаций социалистической направленности, а

затем некоторые социалисты, нацеленные как раз на преобразование империи и созидание, а не на захват власти для себя любимых, то есть такие, как Овсинский, братья Красины, Чернов, Лазарев, Мартов, Аксельрод и другие, отказались от подпольной борьбы, у нас было восемь спокойных лет развития. Впрочем, вероятно, дело заключалось не только в репрессиях и призывах авторитетов – вместе сложились несколько факторов.

Во-первых, существенная часть пассионарной молодежи у нас была, так сказать, утилизирована Союзом Сакмагонских дозоров. Причем, как я разобрался уже позже, в этих дозорах собиралась молодежь обоих краев политического спектра – как левого, из числа которых в «моей» истории рекрутировались боевики социалистических партий, так и правого, из которых набирались самые активные погромщики Союза Михаила Архангела. А поскольку в рамках Союза Сакмагонских дозоров обе эти крайности были жестко ограничены и нацелены не на борьбу и разрушение, а на общественную деятельность и созидание, уровень напряжения в обществе оказался гораздо ниже того, что наблюдался в эти годы в известной только мне истории. Ну да в Союзе Сакмагонских дозоров у нас к настоящему моменту уже состояло более полутора миллионов молодых людей – программа «Защитим Россию» очень поспособствовала резкому притоку свежих кадров.

Во-вторых, многие деятельные и амбициозные люди нашли себе занятие и помимо политики – в рамках того промышленно-строительного бума, который начался в России со строительства моих заводов и шахт в Магнитогорске, а затем в Николаевске, Степном, Павлодаре, Барнауле и Свинцовой горе, ну а после победы в Русско-японской войне просто полыхнул во всю ширь. Тем не менее стремление и крупного капитала, и просто образованных людей (коих в Российской империи во многом и моим тщанием становилось все больше и больше) принять участие в управлении страной никуда не делось. Это стремление являлось и является объективным фактором, и бороться против него нет никакого смысла. Единственное, что можно сделать, – это придать ему некие рамки, при которых суммарный баланс, получающийся из множества воздействий, осуществленных в рамках этого стремления, окажется положительным, а не отрицательным. И не приведет к разрушению страны, как это произошло с Российской империей и с СССР. И в том, и в другом случае массы людей «хотели как лучше», ну а то, что получилось, заставляет вспоминать покойного Виктора Степановича Черномырдина как великого провидца уровня Ванги.

Но я, ослепленный своими успехами и тем уровнем авторитета, который не только имел как член императорской фамилии и родной дядя государя, но еще и завоевал как успешный промышленник, победоносный наместник Дальнего Востока и самый богатый человек мира, – пер как лось сквозь подлесок. Более того, когда начались напряги с немцами, я недрогнувшей рукой перенацелил основные силы жандармов на противодействие разведывательной деятельности Германии и Австро-Венгрии. И это принесло свои плоды – как в том, что мы сумели серьезно ослабить разведывательные сети немцев и австрийцев на своей территории, так и в том, что нам удалось серьезно расширить собственные возможности для получения информации. Причем Буров еще и изрядно продвинулся в создании сетей на землях Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, Турции и Швеции, что вкупе с широкомасштабными мероприятиями по дезинформации позволило нам скрыть истинный уровень боеготовности и боеспособности наших войск от вероятных противников и даже от союзников (что было не менее важным). Но обратной стороной предпринятых усилий стало то, что мы упустили из виду сначала подспудный, а затем неожиданно ставший резким рост политической активности людей в России. Впрочем, у той части жандармского корпуса, которая была нацелена на контроль состояния общества, было еще одно оправдание, кроме своего существенного ослабления: со времен Русско-японской войны основные усилия жандармов были направлены на предупреждение и жесткое противодействие терроризму, а волна поднялась в совершенно другой области.

Все началось осенью 1913-го, и вот ведь насмешка судьбы – 7 ноября. То есть совпадение было, конечно, только нумерологическим[7 - Нумерология – система знаний или верований о мистических или эзотерических связях между числами и физическими объектами или живыми существами и их сознанием.], поскольку Великая Октябрьская социалистическая революция началась по действующему сейчас календарю 25 октября. Именно поэтому она и продолжала называться Октябрьской, хотя праздновалась в СССР 7 ноября. Здесь же 7 ноября соответствовало 20-му числу того же месяца по принятому в СССР григорианскому календарю. Но все равно, когда мне с утра 7 ноября доложили, что на нескольких крупнейших предприятиях Санкт-Петербурга начались предупредительные однодневные забастовки с политическими требованиями, я ошалел.

– Как забастовки?!!

Генерал Саввич, командир Отдельного корпуса жандармов, слегка съежился. Я несколько мгновений сидел молча, переваривая новость, а затем коротко приказал:

– Докладывайте.

Из краткого доклада выяснилось, что забастовки идут на Путиловском заводе, заводах Нобеля, Лесснера, Эриксона и некоторых других, сплошь принадлежащих крупному капиталу. Казенные предприятия типа Обуховского завода и Адмиралтейских верфей забастовка не затронула. Пока или вообще – на данный момент было не ясно. Так что к государю я поехал с весьма неполными и противоречивыми вестями. Но выволочку получил вполне себе основательную. Впрочем, вполне заслуженную. И вообще этот Николай ничем не напоминал мне того – безвольного, растерянного и испуганного по жизни царя, чей образ тиражировали сначала советские, а потом и постсоветские литература и кинематограф. Да, он был довольно добр и относительно незлобив, слегка романтичен и явно неплохой семьянин. То есть обладал теми качествами, которые при неудаче способны были сделать из него мямлю. Но в то же время Николай был хорошо образован, обладал острым умом, умел действовать жестко, принимать и проводить в жизнь то, что в моем будущем называли «непопулярными решениями». Впрочем, возможно, дело было в том, что в этой истории я оказал на него достаточно сильное воздействие, привив навыки планирования и контроля крупных промышленных проектов еще в те времена, когда он был цесаревичем, а также немного рассказав про такие вещи, как геополитка и политическая экономика. Да и семья у него здесь была совершенно другая. Жена – более спокойная и покладистая, дети – здоровые. Ну и Русско-японская война тут не нанесла чудовищного удара по его психологическому состоянию и авторитету в России и зарубежом, а стала источником гордости и уверенности в себе. К тому же следует помнить о том, что и вспышки революционного террора здесь также не случилось. А представьте себе, как могло бы отразиться на лидере страны положение, при коем одна часть его подданных безжалостно уничтожает другую, а никакие, так сказать, цивилизованные методы противодействия этому не срабатывают и для прекращения кровавой вакханалии приходится соглашаться на создание чрезвычайных органов типа военно-полевых судов, порождающих встречную, не менее кровавую волну, которая только и гасит пожар… Да и развитие находящейся под его рукой страны сейчас шло столь могучими темпами, что восторженная и склонная к экзальтации французская пресса уже именовала российского императора «величайшим из властителей Европы». Так что Николай II образца текущего 1913 года был вполне компетентен и уверен в себе.

К исходу дня стало понятно, что забастовки – это не инициатива снизу, а сговор владельцев заводов с некими силами, имеющими влияние в рабочей среде. Уж больно гладко проходило «мероприятие». Рабочие явились на завод в праздничных одеждах, лозунги и транспаранты были приготовлены заранее, а на заводских дворах силами неясных пока благодетелей организована раздача чая и доставленной из ближайших булочных дешевой выпечки типа пирогов с капустой, картошкой и требухой. Сама забастовка продлилась до гудка, означающего окончание рабочего дня, после чего народ чинно и благородно разошелся по домам. Да и требования, выставленные забастовочными комитетами, оказались исключительно политическими – свобода партий и собраний, учреждение Государственной думы, разработка и принятие конституции. Никаких экономических требований вроде повышения заработной платы или улучшения условий труда. (Впрочем, с условиями труда у нас здесь все было намного лучше, чем на этот же момент, но в той России, о которой знал только я. Ну, как мне представляется, лучше… Уж в чем в чем, а в истории трудового законодательства в Российского империи я никогда не был силен. Хотя часто страдал от этого. Причем куда больше, чем от того, что не знал технологию производства автомата Калашникова или, скажем, полупроводников – как оказалось, без них обойтись куда легче, чем без приличного закона о цеховых инспекторах или о рабочих страховых кассах…)

К нашему стыду, мы даже не представляли себе, что это за силы. Нет, как позже выяснилось, у полиции, да и у жандармерии были сведения о создании на множестве предприятий кружков так называемой «экономической грамотности», которые успешно функционировали уже года два. Причем основной теорией экономики, изучавшейся в этих кружках, являлся марксизм. Но поскольку, как было известно полиции и жандармерии через своих осведомителей и подтверждено по другим каналам, ни о какой террористической деятельности на занятиях и речи не шло, а их участники тщательно избегали всякого упоминания слова «социалистический», зато старательно декларировали именно «экономическую грамотность», обе структуры – и полиция, и жандармерия – прохлопали ситуацию ушами.

Впрочем, на самом деле все было не настолько уж плохо. В конце концов, в настоящий момент марксизм считался одной из самых проработанных в мире экономических теорий и вполне соответствовал этому званию. Проблемы начались позже, когда он был объявлен «единственно верным учением», то есть вершиной всей научной, политической и экономической мысли человечества, выше которой ничего быть не может. В принципе вполне объяснимая ошибка.

Куда позже марксизма таковой вершиной был объявлен либеральный демократический капитализм. Мистер Фукуяма свой труд так и обозвал: «Конец истории…»[8 - «Конец истории и последний человек» (The End of History and the Last Man) – вышедшая в 1992 г., сразу после краха СССР, книга влиятельного американского философа, политического экономиста и писателя японского происхождения Фрэнсиса Ёсихиро Фукуямы, в которой он заявляет, что века страданий и поисков позади и человечество наконец-то нашло наилучшую форму своей организации, непременно ведущую ко всеобщему счастью.]. Основной проблемой было то, что 7 ноября марксизм как чертик из табакерки выскочил из кружков и вышел на улицы, начав движение в сторону уже однажды закончившегося катастрофой утверждения: «Учение Маркса всесильно…»

Кроме того, сыграла роль и тщательная зачистка политического поля, когда после покушения на меня жандармы выметали уже не просто террористические, а вообще любые идеологические организации. Это (естественно, вкупе с немного другим устройством экономической и общественной жизни страны и бурным промышленным ростом) принесло свои плоды, позволив нам прожить практически безмятежное в политическом плане десятилетие. Но как ни загоняй джинна в бутылку, рано или поздно он оттуда вырвется. Что сейчас и произошло, хотя и не совсем так, как можно было ожидать. Ибо рабочие выступили с не совсем свойственными марксистам лозунгами. От этих ребят скорее можно было бы ожидать экономических требований… Как позже выяснилось, дело было в том, что на тот момент марксисты со своими кружками «экономической грамотности» оказались у нас практически единственной организованной структурой, имеющей некоторое влияние в рабочей среде. А нашим «денежным мешкам» пока еще страшновато было не просто языки чесать в клубных или ресторанных кабинетах, а создавать некую политическую организацию. Вот они и вошли, так сказать, в сговор, чтобы, как пафосно выразился барон Федор Кнопп, «всколыхнуть болото, в которое превратилась российская общественная жизнь после того, как клика Романова подгребла под себя всю власть в стране». При этом жаждавшему власти купечеству, банкирам и промышленникам тут отводилась роль «кошелька», а господам марксистам – «руководящей и направляющей силы рабочего движения». Господа «денежные мешки» снова наступали на те же грабли, полагая себя умнее всех и считая, что здесь и сейчас, как и всегда, кто платит, тот и заказывает музыку, а ежели что пойдет не так – все можно списать на инициативных господ марксистов. Марксисты же тоже считали, что уже выросли из коротких штанишек, которыми являлись кружки «экономической грамотности», и теперь готовы громко заявить о себе. А что это будет делаться на деньги тех самых «денежных мешков», с кем

они вроде как собираются бороться, так что ж – Маркс же писал, что капитализм сам роет себе могилу, создавая и умножая численность собственного могильщика – рабочего класса. Так что всё по теории…

Помимо прочего, две эти противоположности объединяла ненависть ко мне. Как к явлению, самим своим существованием опровергавшему множество идеологических догм. Скажем, о вырождении старой аристократии. То есть то, что председателем Совета министров Российской империи является член императорской фамилии и ближайший родственник государя, действовало на господ промышленников как красная тряпка на быка. Ни уровень компетентности, ни успехи в промышленной и социальной политике, ни победа в Русско-японской войне как для «господ Ходорковских» местного разлива, так и для господ, вооруженных «самой передовой и единственно верной на все века экономической теорией», аргументами не являлись. Все застили жажда порулить и «идеалы демократии, народовластия и Правды», ярким примером которых одни видели Французскую республику и САСШ, где все политические процессы уже давно находились в руках крупного капитала, а другие – некую гипотетическую страну, построенную в точном соответствии с постулатами их теории. Короче, всё как в стихотворении, известном в Интернете моего XXI века:

Мы в мир принесем Чистоту и Гармонию,

Он будет купаться у нас в Красоте.

Здесь женщины пляшут, там бегают кони.

Поверьте, мы знаем дорогу к мечте.

Все будет проделано быстро и слаженно…

Так, это не трогать – это заряжено.

В принципе да и бог бы с этим. В конце концов, я уже достаточно сделал для того, чтобы даже при самом катастрофическом развитии событий Россия вышла из всех испытаний куда более сильной, чем «в прошлый раз». Даже если теперь все пойдет по тому же самому сценарию, что и в той истории, что здесь знал только я. И уровень грамотности населения у нас сейчас уже превышал шестьдесят процентов (в среднем, то есть с учетом присоединенных лет сорок – пятьдесят назад южных мусульманских окраин). И станочный парк был раза в четыре больше, чем к 1917 году в «моей» истории. Да и населения у нас здесь изрядно прибавилось. То есть даже если страна понесет все те же потери,

которые она понесла в «моей» истории, все равно даже после отделения Финляндии, Польши, Бессарабии и западных областей Украины и Белоруссии новообразованный Советский Союз превзойдет по численности населения Российскую империю 1913 года, но другого варианта реальности. А по сохранившемуся промышленному потенциалу если и уступит ей, то не в семь раз, а гораздо меньше – раза в полтора. То есть пойди здесь все так, как и в «моей» истории, у Сталина не будет необходимости проводить новую индустриализацию. А если учесть, что у нас тут и уровень медицины куда выше, то и потери как от войны, так и от эпидемий тифа и «испанки»[9 - Испанский грипп, или «испанка», был, вероятнее всего, самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества. В 1918–1919 гг. за 18 месяцев от «испанки» умерло 50–100 млн человек, или 2,7–5,3 % населения Земли. Было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой войны и быстро затмила это крупнейшее кровопролитие по масштабу жертв.] здесь могут оказаться значительно ниже.

Но меня просто взбесило то, как эти люди, прикрываясь самыми высокопарными лозунгами, попытались в преддверии войны перетянуть одеяло на себя. Блин, ну нельзя, нельзя ни накануне, ни во время сильных потрясений раскачивать государственную лодку, ибо это есть не что иное, как откровенное предательство. Поэтому по окончании расследования я приказал… ничего не предпринимать. Они сами выпустили джинна из бутылки – пусть сами и расплачиваются. Помните, как в анекдоте: «Дорогой, мама упала в бассейн с крокодилами!» – «Дорогая, твои крокодилы, вот ты их и спасай».

Самым сложным в воплощении этого решения в жизнь оказалось удержать за штаны Николая, крайне возмущенного подобным вероломством. Он жаждал поквитаться и с марксистами, и с промышленниками. И мне пришлось несколько вечеров подряд во время своих докладов успокаивать государя и разъяснять ему последствия жестких действий с его стороны, если они будут предприняты. Хотя я и себя-то с трудом сдерживал. Ох как тянуло «рубануть шашкой»! Впрочем, возможно, вероятность войны для затеявших все это являлась неочевидной. Ну, вывернулись же как-то в 1911–1912 годах. А тогда еще опаснее было, на самой грани балансировали. Сейчас же все спокойно, даже благостно…

Как бы там ни было, мои усилия не пропали втуне – Николай согласился с доводами, и ситуация начала развиваться так, как я и рассчитывал. Следующие четыре месяца события шли по нарастающей. Двадцатого декабря, перед Рождеством, состоялась мощная демонстрация, на которой, помимо

политических, уже зазвучали и экономические лозунги, причем такие, каких я и ожидал от марксистов – об увеличении заработной платы, об улучшении условий труда, об открытии бесплатных столовых и создании заводских больничных касс, «как это сделано на наиболее прогрессивных предприятиях». И вот ведь парадокс-то: в число этих наиболее прогрессивных предприятий входили все мои заводы и фабрики скопом. И бесплатные столовые, и заводские страховые и больничные кассы у такого монстра, как я, уже давно имелись и эффективно работали. А вот для некоторых господ из числа тех, кто после бурных экзальтированных дебатов в дальних комнатах Английского клуба и отдельных кабинетах «Данона» и «Яра» составил комплот против «романовской клики», такой поворот дела оказался неожиданным и сильно нежелательным. Эти «господа Ходорковские» местного разлива и власть-то собирались забрать себе для того, чтобы больше получать, а не для того, чтобы делиться, – и тут такой пассаж!

Следующая предупредительная забастовка состоялась уже в конце января и породила «Обращение к Государю русских промышленников и торговцев» с просьбой «унять смутьянов, мутящих рабочих и подбивающих их на действия, наносящие ущерб законопослушным подданным и ввергающие государство Российское в революционную смуту». Я же использовал все это для резкого увеличения числа охранных батальонов и массового перевооружения их пистолетами-пулеметами Баганского. Во-первых, немцы не должны были принять это за увеличение армии (обучали личный состав таких батальонов по тем же методикам, что и обычную линейную пехоту, то есть это стало чем-то вроде скрытой мобилизации). Во-вторых, мы смогли развернуть массовое производство пистолетов-пулеметов, а я прекрасно понимал (вероятно, единственный из всех здесь живущих), какое значение они приобретут при переходе войны в так называемую «окопную» стадию. Ну и в-третьих (по счету, а не по важности), в случае резкого обострения ситуации это позволило бы мне применить силу без отвлечения войск от боевой подготовки.

Весна 1914 года принесла уже массовые демонстрации и буквально стон «господ Ходорковских», требовавших от царя принять меры. Но Николай с беспредельным, как я подозреваю, удовольствием ответил, что полностью поддерживает требования «своего народа», направленные на повышение уровня жизни и условий труда. Более того, во время состоявшейся 7 июня массовой рабочей демонстрации Николай II вышел из дворца и, присоединившись к рабочим, прошел в составе колонны демонстрантов до Исаакиевского собора, в котором состоялся «импровизированный» молебен, мгновенно превративший демонстрацию в одухотворяющий акт единения императора и его народа.

На следующий день после этого, в понедельник 8 июня, Государственным советом был принят и в тот же день подписан императором пакет законов, серьезно меняющих экономические отношения в стране. Например, в Российской империи впервые в мире была установлена минимальная суточная заработная плата. Кроме того, на всех предприятиях предписывалось создать страховые и медицинские кассы, что ранее только рекомендовалось, а не являлось обязательным требованием. Малым же и средним предприятиям, на которых из-за небольшого числа работников создание заводских касс можно было считать нецелесообразным, предписывалось застраховать своих работников в уже действующих в стране страховых компаниях.

Что же касается свободы партий и собраний, его величество сообщал своим подданным, что также считает это необходимым, для чего он создает специальную комиссию по разработке закона, которая должна будет приступить к делу 1 июля текущего, 1914 года, и просит всех граждан до принятия закона воздержаться от демонстраций, а все свои пожелания и предложения направлять в индивидуальном порядке в адрес комиссии, каковой будет опубликован сразу после начала ее работы. На следующий день в газетах было разъяснено, что приниматься будут именно и только индивидуальные обращения. Конечно, запретить собираться и спорить по ресторанным кабинетам, трактирам, квартирам и дачам подданным было невозможно. К тому же в стране имелось гигантское количество различных объединений, ассоциаций и обществ – горное, географическое, физико-химическое, электротехническое, цветоводов, пчеловодов, любителей хорового пения и прочие. Так что где сойтись и подрать глотку было. Но накал страстей, к нашему удовольствию, удалось сбить. Многие решили, что, ежели принимают только индивидуальные обращения, «так чего это я буду тут перед всеми разоряться – а ну как украдут мои великие идеи и комиссии их изложат от своего имени?»

Хотя чего мне стоило убедить Николая хотя бы двинуться в этом направлении, и представить нельзя. Мой племянник свято следовал завету своего отца Александра III – беречь и хранить русское самодержавие, и потому поначалу даже слышать не хотел ни о каких политических партиях. Тут ведь дело такое – только начни, а там, глядишь, парламент завелся, а потом откуда ни возьмись – конституция. И да, он был прав: так все в жизни и случается. Но… наступали другие времена. И обойтись без парламента с конституцией в XX веке Россия могла лишь в том случае, если к власти в стране пришли бы большевики. Впрочем, без конституции и парламента и они не обошлись, просто превратили их в фикцию… Такое вот поветрие было в мире. Именно парламент и

конституция сегодня считались непременной дорогой к светлому будущему. Ну, как в XVIII веке – просвещение, а в СССР и среди всего прогрессивного человечества – коммунизм. И ведь действительно люди во все это верили. Искренне. И Вольтер в прошлом, и Кембриджская пятерка[10 - Кембриджская пятерка – ядро сети советских агентов в Великобритании, завербованных в 1930-х гг. в Кембриджском университете. Состояла из лиц, принадлежащих к высшим слоям английского общества. Так, например, один из членов пятерки, Энтони Блант, был родственником самой Елизаветы II и советником ее отца короля Георга VI; другой, Ким Филби, – дальним родственником маршала Монтгомери; третий, Дональд Маклин, – сыном министра.] в еще не наступившем здесь будущем. Ведь не из-за денег же английские джентльмены работали на советскую разведку – и денег, и влияния у них и так было столько, что они могли бы советской разведке еще и приплачивать…

Как бы то ни было, к 28 июня, когда в Сараеве, являвшемся территорией Австро-Венгрии, прозвучали выстрелы, оборвавшие жизнь едва ли не самого приличного представителя австрийского правящего дома – эрцгерцога и наследника австрийского престола Франца Фердинанда, Россия подошла изрядно умиротворенной. Во всех отношениях. Наши «олигархи», обжегшись на своих попытках манипулировать рабочими, прикусили язык, а рабочие, добившись довольно многого и будучи обласканы самим государем, также более не испытывали желания устраивать забастовки и манифестации. Марксисты же получили от ситуации максимум возможного – громко заявили о себе и при этом избежали «наезда» репрессивного аппарата, на что они, начиная акцию, не смели даже надеяться, поскольку готовились к потерям и собирались «положить жизнь на алтарь Отечества». Поэтому в настоящей момент марксисты были настроены лояльно, ожидали принятия закона и были уверены, что вскоре станут одной из влиятельнейших политических партий в стране. Кстати, так потом и произошло…

А я смог извлечь из ситуации еще и дополнительную пользу, увеличив численность боеготовых войск почти на сорок тысяч человек. Да-да, как раз за счет увеличения числа батальонов внутренней охраны. Так что это убийство, запустившее процесс чудовищной бойни, застало Россию, несмотря на все произошедшее, в куда более боеготовом состоянии, чем она была на этот момент в той истории, что здесь знал только я.

В принципе, подготовка к мировой войне шла своим ходом. Мы получили от англичан последние два линкора, а в Ваенге уже заканчивалось строительство

временных пирсов для Северной эскадры в составе двух линкоров, четырех крейсеров и трех дивизионов новых эсминцев. Кроме того, там начали сооружение пирсов и строительство казарм и складских помещений для размещения дивизиона подводных лодок. Поскольку эта база флота не была защищена крупнокалиберными береговыми батареями, лодкам предстояло принять на себя функцию охраны от крупных кораблей противника. Что было вполне в духе тогдашних воззрений на использование подводных лодок.

Общее число современных эсминцев в нашем флоте достигло шестидесяти, причем они были организованы в дивизионы из шести кораблей – меня убедили, что так будет лучше. По флотам они распределялись так: четыре дивизиона на Балтике и по два в Черном море, на Дальнем Востоке и на Севере. Впрочем, имелся план с началом войны перегнать один дивизион новых эсминцев и дивизион броненосных крейсеров в Ваенгу с Дальнего Востока для лучшего обеспечения полярных конвоев, с помощью которых я собирался снабжать англичан и французов сырьем, продукцией промышленности и продовольствием, после того как немцы попытаются прервать наше с союзниками морское сообщение. Все равно трафик по Северному морскому пути с началом войны существенно сократится, когда с него уйдут немцы и бельгийцы, а возможно, и датчане со шведами. Так что ледоколы освободятся. Ну а там посмотрим. Может, англичане сподобятся перевести часть трафика на Север, если у них начнутся какие-нибудь напряги в Средиземном море. Там-то будут оперировать аж две державы Тройственного союза – Австро-Венгрия и Италия. Хотя итальянцы в последнее время как-то не демонстрируют особого желания соблюдать свои союзнические обязательства, все чаще делая реверансы в противоположную сторону, в первую очередь англичанам. Нечего кораблям Тихоокеанского флота застаиваться на Дальнем Востоке, пусть повоюют. Все равно мои опасения насчет японцев в настоящий момент не имели под собой оснований. Реконструкция береговой обороны Тихоокеанского побережья у нас была почти завершена, хотя и в значительно урезанном виде по сравнению с тем, что планировалось, но и того хватало. А наши взаимоотношения с японцами были хороши как никогда. Их уровень характеризовал такой факт: когда англичане в конце июля провели секретные переговоры с японцами насчет возможного вступления их в войну на стороне Антанты, пообещав не препятствовать захвату колониальных владений Германии в Китае и Юго-Восточной Азии, японцы, прежде чем подписать соглашение, обратились к нам – мол, не будет ли Россия возражать против таких действий? Мы заверили их, что никаких возражений не имеем, ежели район оперирования японских армии и флота будет располагаться южнее Великой Китайской стены. То есть японцы ближайшие несколько лет явно будут заняты перевариванием германских владений. Да и их флот к

настоящему моменту еще не восстановил своей численности до того уровня, при котором он мог бы представлять для нас серьезную угрозу, – за время, прошедшее с Русско-японской войны, они сумели построить только два десятка эсминцев и два броненосных крейсера… Ну да японцы только году в 1912-м кое-как начали выкарабкиваться со дна той долговой ямы, в которую ввергли их проигранная война и потеря ресурсов Кореи. И до кучи Япония к настоящему моменту была связана с нами мощной пуповиной торгово-промышленных отношений, она оказалась для России одним из лучших на Дальнем Востоке рынков сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также угля, стали, чугуна и нефти. Так что слегка ослабить Тихоокеанский флот было вполне допустимо.

А вот выход предназначенного для Североморской эскадры дивизиона подводных лодок из Либавы, являвшейся основной их базой на Балтийском море, надо было всемерно ускорять. Как, кстати, и вывод нашего коммерческого флота с Балтики на Северное море.

Подводные лодки у нас тут строились двух типов: «Салака» водоизмещением где-то двести / двести пятьдесят тонн с двумя носовыми торпедными аппаратами и суммарным боезапасом в четыре торпеды старого четырехсотшестидесятимиллиметрового калибра, и «Щука» водоизмещением пятьсот / шестьсот сорок тонн с четырьмя носовыми и двумя кормовыми торпедными аппаратами под новые торпеды калибра пятьсот шестьдесят миллиметров. «Салаки» предполагалось использовать в шхерах, а перед «щуками» ставились более общие задачи. Дивизион «щук» в сопровождении двух легких крейсеров-пятитысячников, призванных усилить дивизионы эсминцев Северной эскадры, и одного танкера (он понадобился, потому что радиус действия лодок составлял всего тысячу с небольшим миль надводного хода, а до Ваенги им было идти около двух тысяч) 5 июля покинул базу подводных лодок в Либаве и двинулся в путь.

Скорость надводного хода у лодок составляла одиннадцать узлов, пройти Скагеррак и повернуть на север они должны были не позднее 8 июля – я был уверен, что немцы их остановить не успеют. Да и с чего бы им останавливать? Чем меньше русских сил окажется в Балтийском море, тем лучше для немцев. Потопить – другое дело. Но пока войну еще никто никому не объявлял, даже Австро-Венгрия – Сербии, хотя ультиматум она уже предъявила. Правда, сразу же после выхода кораблей последовало раздраженное обращение Великобритании, которой как раз ослабление русского Балтийского флота было

что нож острый. Но мы успокоили англичан, напомнив, что в Либаве все еще базируются четыре дивизиона подводных лодок – два «щук», общим числом восемь единиц, и два подводных минных заградителей типа «Краб», а кроме того, в составе Балтийского флота остаются еще четыре легких крейсера-пятитысячника той же серии, что мы отправляем на север, да и шесть дредноутов из восьми кораблей английской постройки также базируются на Кронштадт и Гельсингфорс. В последнем, кстати, помимо прочего, есть и два дивизиона «салак». И все это не говоря о нескольких дивизионах броненосцев, броненосных крейсеров и эсминцев более старой постройки. Ну и на стапелях и у достроечных стенок в разной степени готовности находится почти три десятка кораблей разных классов. Короче, русских сил на Балтике достаточно для того, чтобы создать угрозу германскому флоту и заставить его выделить часть кораблей на противодействие российскому Балтийскому флоту. Впрочем, у англичан все равно осталось некое ощущение того, что они чего-то пока недопонимают. И это им очень, ну просто жутко не нравилось.

Похоже, такое же ощущение возникло и у немцев, вследствие чего 15 июля в Санкт-Петербург на переговоры снова прибыл Теобальд фон Бетман-Гольвег.

Переговоры с рейхсканцлером у нас шли трудно. Теобальд то пытался купить меня, обещая, что немецкое правительство возьмет на себя все мои долги немецким банкам, то шантажировал раскрытием информации о том, почему русский премьер-министр пошел на резкое сокращение вооруженных сил во время прошлых переговоров. Я же с милой улыбкой отбивал все его наезды. У меня не было никакой необходимости в том, чтобы немцы отдавали за меня мои же кредиты. Наоборот, согласие на это было бы моей крупнейшей ошибкой, ибо в данный момент немцам просто нечем было меня шантажировать. Единственное, что они могли бы мне предъявить, – это странное совпадение сроков заключения прошлого соглашения и выдачи мне кредита. Но это был далеко не первый кредит, который я получал в иностранных банках. Что же касается сокращений, предусмотренных соглашением, то, как бы этого ни хотелось господину фон Бетман-Гольвегу, все они были проведены в полном соответствии с планами, разработанными Генеральным штабом задолго до того, как мы с господином рейхсканцлером пришли к неким соглашениям.

Да-да, планы были подготовлены заранее. От меня тогда потребовалось только продержаться подольше и затянуть переговоры настолько, чтобы мы закончили все задуманное. Содержать почти целый год лишние несколько сотен тысяч

человек, поставленных под ружье, никто и так не собирался – деньги нам еще очень понадобятся на долгую войну, да и эти несколько сотен тысяч пар рабочих рук за год успели сделать много полезного. Так что даже если немцы вбросят в нашу прессу некую информацию, мне было чем ее опровергнуть.

В принципе я немцев просто развел. Но сообщать об этом господину рейхсканцлеру, разумеется, не стал. Самоутверждаться путем унижения кого бы то ни было и выпячивания своих достоинств я прекратил еще в покинутом мною будущем, когда дал себе труд проанализировать мотивы тех, кто так поступает. Ибо так, как правило, поступают те, кто страдает от комплекса неполноценности, от ощущения собственной недооцененности, незначительности и неуспешности. Вот такие фрукты и пытаются, вместо того чтобы создать нечто значимое, обругать и принизить созданное другими. В XXI веке Интернет был просто переполнен подобными типами… У меня же поступать так не было необходимости. После всего, чего мне удалось добиться и здесь, и в покинутом будущем, я и так знал, что я куда круче вареных яиц. Как, впрочем, и то, что каким бы крутым я ни был, в мире всегда найдется некоторое количество людей не менее, а может, и более крутых, чем я. Ну жизнь так устроена, что даже когда ты становишься самым-самым – это ненадолго. Пройдет день, год или чуть больше – и на самую крутую вершину вскарабкается кто-то еще. Ну и что? Жизнь-то на этом не заканчивается. А если ты сделал что-то значимое, это сделанное останется даже после того, как твоя душа вознесется в рай. Либо рухнет в ад. Ну и, кроме того, все, что я делал, имело под собой вполне понятные и в большой степени прагматичные основания, а вовсе не было продиктовано желанием продемонстрировать окружающим мою непомерную крутость…

Так что наши переговоры с рейхсканцлером, вопреки его периодическим наездам, закончились вполне мирно. Однако результаты немцев совсем не обрадовали. Более того, я понял, что ситуацию, несмотря на нашу неполную готовность, стоит даже форсировать. Ибо если раньше я боялся того, что новую коалицию государств, направленную против России и включающую в себя и Великобританию, и Германию, создадут англичане, то теперь у меня появилось опасение, что инициаторами ее создания могут выступить немцы. Сложилось впечатление, что немцы хоть и пытались слегка запугать меня неготовностью России к войне – мол, обученных резервов у вас кот наплакал, с вооружением по штату тоже до сих пор проблемы, с мобильностью войск и скоростью развертывания опять же не всё слава богу, – на самом деле они нас уже боялись. И чуть ли не больше, чем французов и англичан. Все-таки, невзирая на всю нашу секретность и широкомасштабные программы дезинформации, кое-что, а то и

довольно многое нам так и не удалось скрыть. В связи с этим я уведомил Теобальда фон Бетман-Гольвега, что более не способен удерживать российского императора, который желает существенно расширить сеть железных дорог в европейской части страны…

В общем, я провожал немецкую делегацию с надеждой на то, что Германия на нас непременно нападет, и скоро, просто побоявшись дальше тянуть время. Ибо как там оно сложится с англичанами – один Бог знает, а все те наши недостатки, о которых немцы говорили, через год-два сами по себе исчезнут. Сейчас же они еще думают, что у Германии пока есть шанс. Маленький, рискованный, но есть.

Короче, все вроде бы шло своим чередом. Но я решил немцев еще и подтолкнуть, поэтому не ограничился конфиденциальной информацией, и на следующий день после отбытия немецкой делегации Министерство путей сообщения объявило о том, что предпринимает строительство еще трех железных дорог в европейской части России. Причем строиться они должны были не частными подрядами, а специальными железнодорожно-строительными частями, набор в которые начался спустя два дня после сего объявления. Немцы не могли не отреагировать на наш шаг. В конце концов, как только мы введем в строй эти дороги, весь их план Шлиффена пойдет псу под хвост. Для нас же это было не чем иным, как скрытой мобилизацией, ибо места развертывания железнодорожно-строительных частей определили аккурат неподалеку от складов, где хранилось вооружение для второочередных полков. Наряду с этим призывные пункты предприняли скрытую рассылку повесток расчетам коллективного оружия и специалистам технических специальностей – артиллеристам, пулеметчикам, телефонистам, дальномерщикам и так далее. Гонка началась.

Еще через три дня, 28 июля, Австро-Венгрия под предлогом, что требования ультиматума не выполнены, объявила Сербии войну. И австрийская тяжелая артиллерия немедленно приступила к обстрелу Белграда, расположенного практически на границе с Австро-Венгрией, а регулярные войска Австро-Венгрии пересекли сербскую границу. В этот же день Николай II заявил, что Российская империя не допустит оккупации Сербии.

Я в этот момент находился у себя в Магнитогорске. После отъезда немцев стало совершенно ясно: пошел обратный отсчет, и я решил, что пора запускать в производство те проекты, воплощение которых было отложено до начала войны. Например, минометы. В их разработке я принял непосредственное участие. Ну

да здесь не было никого, кто лучше меня представлял, как должен выглядеть настоящий миномет, – пришлось наплевать на всякую конспирацию и собственноручно исполнить сколь возможно подробные чертежи минометов, устроенных по схеме «мнимого треугольника» с производством выстрела самонакалыванием, с опорной плитой, сошками и обязательно с механизмом для предотвращения двойного заряжания. А также нарисовать мину и разъяснить на пальцах идеи основного и дополнительных зарядов, надеваемых на сам снаряд, а не закладываемых в гильзу, как у гаубиц. Восьмидесятисемимиллиметровый миномет стрелял осколочно-фугасной миной весом почти четыре килограмма версты на три, а стосемимиллиметровый – десятикилограммовой на пять с половиной. К моменту моего приезда в Магнитогорск восьмидесятисемимиллиметровых минометов было произведено двадцать штук – все они сейчас на артиллерийском полигоне проходили испытания, при которых параллельно готовились наставления и рассчитывались таблицы стрельбы. А стосемимиллиметровых – аж шестьдесят штук; испытания они уже прошли, так что там же, на артиллерийском полигоне, вовсю шла подготовка четырех первых в российской армии минометных рот, которые должны были войти в состав горнострелковых бригад Закавказского военного округа. Впервые применить это новое оружие предполагалось именно на Кавказском фронте – подальше от промышленно развитых немцев. Конечно, если немцы сумеют втянуть Османскую империю в войну. Ни в какой Тройственный союз турки не входили, но насколько я помнил из военной истории, Турция воевала в Первую мировую, причем как раз на стороне Тройственного союза. Скорее всего, и здесь так будет. Тем более что после той кровавой бани, которую я собирался устроить немцам и австриякам в самом начале войны, им просто делать нечего будет, кроме как попытаться отвлечь русских от своего Восточного фронта созданием у нас еще одного очага войны. Так что испытаем минометы в боевых условиях, внесем усовершенствования в конструкцию, да и развернем массовое производство. Мины-то сейчас изготавливались сплошным потоком. Но все равно мало будет. Миномет – оружие жутко прожорливое. Зато развернуть производство мин можно почти в любой мастерской с парой станков, за этим дело не станет.

Кроме того, на моем заводе стрелкового оружия сейчас проходил испытания первый в этом мире крупнокалиберный пулемет под тот самый пятилинейный патрон, который мы разработали и начали выпускать на немецкий кредит. В принципе с этим пулеметом мы обогнали время не так уж сильно. Насколько я помнил, американский крупнокалиберный «браунинг» был разработан году в 1917-м. Причем, что интересно, на вооружении этот пулемет оставался до момента моего «переноса» сюда, то есть больше девяноста лет – и конструкция

оказалась довольно удачной, и задач, для решения которых нужно было оружие, стреляющее таким мощным патроном, также было предостаточно. Более того, насколько я помнил, во время Корейской и Вьетнамской войн пулемет Браунинга широко использовался снайперами. Вот такой вот «дед-долгожитель широкого профиля». А в конце 1990-х под этот патрон даже разработали специальные снайперские винтовки. Вот я и решил подсуетиться слегка заранее, рассудив, что дорога? ложка к обеду. Слегка – чтобы не перехватили идею, а заранее – чтобы с первыми выстрелами мировой войны развернуть производство и более или менее быстро вооружить войска. А то и торгануть с союзничками. Согласно моим планам, и минометы, и крупнокалиберные пулеметы должны были поступить на вооружение в полки, вследствие чего полковая пулеметная рота с пулеметами Максима развертывалась до батальона огневой поддержки, в состав которого входили еще и рота восьмидесятисемимиллиметровых минометов, и взвод крупнокалиберных пулеметов. Стосемимиллиметровые минометы шли на усиление огневых возможностей бригад и в горнострелковые части.

Ну и последним по счету, но не по значимости среди тех проектов, которые я собирался запустить в массовое производство с началом мировой войны, были ручные гранаты. Дело в том, что в истории, которую здесь знал только я, очень многое из того, что появилось в арсенале передовых армий, было изобретено во время Русско-японской, а она тут протекала совсем не так, как в «моей» реальности. Поэтому к настоящему моменту на вооружении даже самых передовых армий отсутствовал, например, такой вид оружия, как минометы или ручные гранаты. Ну не было в здешней истории у русских особой необходимости изощряться в осажденном Порт-Артуре и придумывать всякие способы насолить врагу – от метания устаревших морских мин с помощью задранного вверх ствола сорокасемимиллиметровой морской пушки (отчего это оружие и получило название миномет) до набивания стреляных гильз от этой же пушки пироксилином и швыряния их в наступающих японцев. Поскольку не было здесь самой осады Порт-Артура. Так что, даже если кому и приходили в голову подобные мысли, без подтверждения практикой они себе дорогу не пробили… Точно так же здесь не строили, скажем, линейных крейсеров – не показали себя японские крейсера в отгремевшей войне так, как в том, другом варианте истории, вот и не стали англичане, инициировавшие «там» строительство подобных крейсеров, «здесь» этим заморачиваться, сосредоточившись исключительно на линкорах. Зато бронепалубных крейсеров-охранителей британской торговли англичане, перепуганные действиями бурских вспомогательных крейсеров, понастроили около двух сотен.

При некоторой удаче уже к началу 1915 года у русской армии должно было появиться довольно сильное техническое преимущество перед любыми армиями мира. Ну, так планировалось, а как оно получится, еще предстояло посмотреть…

Ну и до кучи, еще весной на Магнитогорском авиационном заводе были испытаны три чисто военных типа аэроплана. Вернее, новых типов было два, третий же – двухместный разведчик – новым считать было нельзя, поскольку он уже поступал на вооружение авиаотрядов корпусов. Единственное отличие вариантов мирного и военного времени составлял пулемет, который крепился на турели в кабине летнаба и служил для защиты от истребителей противника. Но поскольку в этом мире, благодаря и моим усилиям, мысли о военном применении авиации успешно подавлялись (ну, за исключением разведки), в настоящий момент еще не существовало вооруженных самолетов. Поэтому корпусные авиаотряды сейчас пока были оснащены самолетами без вооружения. Ничего, к тому времени, когда у противника появятся первые истребители, успеем установить турели на все самолеты, которые еще останутся в строю. А новые пойдут с завода уже вооруженными.

Два же других типа действительно были новыми, хотя и собранными, так сказать, из «кубиков» уже выпускающихся моделей. Истребитель, как и планировалось, создавался на основе почтового самолета и отличался от него только чуть сдвинутой назад кабиной и установкой двух синхронизированных пулеметов в передней части «тулова». А бомбардировщик был получен заменой кабины «Воздушного лимузина». Он мог нести до трехсот килограммов бомб, но они пока практически не выпускались. В первую очередь из соображений секретности. Тут уж я дул на воду – даже мыслей о военном использовании авиации ни у кого не должно было возникать… Так что в качестве бомб первоначально планировалось использовать оснащенные стабилизаторами новые осколочно-фугасные снаряды стосеми– и стопятидесятидвухмиллиметровых гаубиц, а уж затем, после начала боевых действий, развернуть производство полноценных бомб. И их разработку я также запустил сразу по прибытии.

К моменту моего появления в Магнитогорске оба новых самолета прошли испытания и поступили в серийное производство. Истребителей уже было в наличии двадцать единиц, а бомбардировщиков – шестнадцать, вследствие чего на заводе полным ходом шло формирование первого в мире смешанного истребительно-бомбардировочного авиаполка. Его планировалось отправить на Австрийский фронт. Авиация у австрийцев была крайне слаба, а их летчики

имели недостаточную подготовку, так что мы рассчитывали набраться первоначального боевого опыта, не понеся при этом значимых потерь. К тому же там мы планировали активно наступать, и в случае потери самолетов над вражеской территорией была большая вероятность того, что новейшая техника не попадет в руки противника, по крайней мере на срок, достаточный для ее изучения.

Впрочем, наша стратегия на начало войны предусматривала наступление на всех фронтах. Просто наступление на Германском фронте имело целью не захват территории, а нанесение максимального ущерба инфраструктуре немцев и создание им максимальных трудностей в подготовке ответного наступления. Сразу же бодаться с немцами на равных я не хотел. Возможно, в том состоянии, которого мы достигли к настоящему моменту, это для русской армии было бы вполне реально, но войска, сидящие в хорошо подготовленной обороне, приобретают ничуть не меньший боевой опыт, чем наступающие, а вот потерь несут куда меньше. С австрийцами же другое дело. С ними мы, пожалуй, способны покончить одним ударом. Но вот делать этого я пока не собирался. Если мы выведем австрийцев из войны, то немцы, чего доброго, сразу сдадутся. А нам это было категорически не нужно. Мы должны были выйти из войны с черноморскими проливами, заработав на поставках и после того, как все воюющие стороны будут изрядно обескровлены. А то, если этого не произойдет, мы, глядишь, лет через пять после столь скорого окончания первой мировой получим вторую, в которой немцы с англичанами будут вместе воевать против нас. Причем никаких преимуществ в заранее подготовленном производстве новых видов вооружения у нас уже не будет. Нет уж, ребята, давайте-ка воевать по-серьезному. Так, чтобы вы потом еще минимум лет пятнадцать – двадцать не могли и подумать затевать новую большую войну. Нашей стране после этой понадобится хорошая передышка…

Вот потому, едва мы разобрались с немцами, я отпросился у государя и самолетом рванул в Магнитогорск. Ибо теперь предстояло максимально быстро перейти на массовое производство вооружения – не только вышеупомянутых новых образцов, но и уже давно выпускающихся – и сделать это в условиях, при которых достаточно большое количество подготовленного персонала будет призвано в армию. Поэтому альтернативы конвейеру у меня не было. На самом деле основным преимуществом конвейера является не рост производительности труда. Нет, он есть, и значительный. Когда Форд перешел на конвейерную сборку своей модели «Т», производительность труда выросла почти на пятьдесят процентов. Но этот рост во многом купируется гораздо бо?льшими трудностями подготовки производства при смене модели, сокращением

предлагаемых потребителю вариантов и другими сложностями. Всем известны слова Форда о том, что потребитель может заказать себе автомобиль любого цвета, при условии, что этот цвет черный. И это не был снобизм или пренебрежение потребителем. Просто требованиям конвейерного производства по скорости сушки удовлетворял только черный японский лак – никакая другая краска, выпускавшаяся в то время, по своим возможностям для конвейерного производства не подходила… Но главный выигрыш конвейера в том, что он позволяет разбить производство на массу простых операций. Это резко снижает требования к квалификации работников и позволяет производить такие сложные устройства, как современное вооружение и техника, куда менее квалифицированному персоналу. И вот именно этим я и занялся. Ибо считал перевод производства на военные рельсы самым главным залогом нашей будущей победы в войне. А со всем остальным и без меня справятся.

Так что объявление Германией 1 августа войны России застало меня не в Санкт-Петербурге, а в Магнитогорске и не в своем кабинете, а в цеху, без пиджака и в окружении инженеров. В отличие от армии я уже вовсю воевал…

Глава 3

– Корнет!

– Я, господин ротмистр!

– Сколько еще вы будете возиться с разгрузкой лошадей?

– Уже заканчиваем, Александр Филиппович. Второй эскадрон слегка подзадержался, – пояснил корнет Веснин, – Намет закапризничал, всё никак не могли вывести.

Ротмистр Ковринский досадливо поморщился:

– Ведь говорили же Карабуло-оглы: нечего здесь форсить – армия, чай, а не скачки. Так нет… А из-за него эвон как с выгрузкой затянули.

Корнет покивал. Конь командира второго эскадрона Георгия Карабуло-оглы был дорогим текинцем, горячим, неутомимым в скачке, но своенравным. К тому же ему требовались особый уход и питание куда лучше того рациона, который обеспечивался выделяемой казной суммой. Но горец заменить своего красавца на обычную строевую лошадь отказывался напрочь, приплачивая за вкусности и полезности для Намета из своего кармана. Вот время от времени и случались разные казусы…

– Ладно, я к командиру. Следите тут, – приказал ротмистр и двинулся вдоль еще пахнущей свежей сосной разгрузочной платформы в голову состава.

В кавалерию Андрей Веснин пошел как по семейной традиции, так и по велению души. Все его предки, отец, дед и прадед были русскими офицерами и кавалеристами. Дед сложил голову во время русско-турецкой, отец воевал на Русско-японской и голову сохранил, но потерял ногу. Сам корнет Веснин на прошлую войну не успел по младости лет, но надеялся, что свое еще возьмет. И похоже, все шло к тому, что шанс взять это самое «свое» ему представится очень скоро.

Корнет Веснин выпустился из Елисаветградского кавалерийского училища в прошлом году. И сразу попал в оборот. Потому что в войсках дело обстояло не совсем так, как ему рассказывали в училище. А точнее – совсем не так. Сейчас уже корнет разобрался, почему так вышло. Дело было в том, что многие офицеры-строевики прошли через «пробные офицерские части», каковые очень сильно изменили их взгляды на то, какой должна быть современная кавалерия. А преподаватели военных училищ только в прошлом году начали проходить переподготовку на специальных курсах, организованных при Офицерской кавалерийской школе, программа которых была составлена как раз с учетом произошедших в войсках изменений. Причем эти курсы были в основном предназначены не для повышения квалификации преподавателей, а для обучения офицеров-кавалеристов кавдивизий второразрядных и третьеразрядных армейских корпусов. То есть и сроки, и уровень, и напряженность учебной программы по сравнению с «пробными офицерскими частями» там были куда меньше. И соответственно, «сдвиг мозгов» у обучающихся на этих курсах оказывался менее существенным, чем у тех, кто прошел жесткую школу «пробных офицерских частей». Веснин об этих частях рассказов понаслушался… Ну а если еще учесть, что офицеры-преподаватели – не только кавалеристы, а вообще почти все – были едва ли не самыми ярыми хулителями того, каким образом великий князь Алексей Александрович

преобразует армию, неудивительно, что молодые офицеры приходили в войска совершенно неподготовленными к новым требованиям. Наоборот, впору было бы удивиться, если бы они хоть как-то этим требованиям соответствовали. А потому первые же полковые тактические учения ввели молодого корнета в некоторый ступор. Ну еще бы, за две недели учений они отмахали почти триста верст, трижды разбивали полевой лагерь, шесть ночей провели «по-походному» – на лапнике и укрывшись плащами из грубого брезента, входившими в новый комплект снаряжения, три раза оборудовали взводный и дважды эскадронный полевые опорные пункты, закапываясь в землю по уши, словно какая-то пехтура, шесть раз отстрелялись из карабинов и эскадронных пулеметов – и ни одной рубки лозы, ни одной лихой кавалерийской атаки. Они в кавалерии или где?!

Более того, на разборе учений командиру второго эскадрона ротмистру Карабуло-оглы поставили на вид как раз то, что он-таки улучил момент и поднял эскадрон в лихую кавалерийскую атаку.

«Запомните, – вещал командир полка полковник Тырнов, – мы более не та буйная кавалерия, которая лихой сабельной атакой опрокидывала плотные пехотные полки. Нынче, чтобы остановить наступающую кавалерийскую лаву, нужна не линия каре, а всего пара солдат с пулеметом. Поэтому никаких сабельных атак. Ваша задача – выдвинуться к нужной точке быстрее противника, занять и оборудовать позицию и встретить его огнем. Всё. Ежели противник успел раньше – никакой атаки. Провели разведку, вызвали артиллерию, пулеметную поддержку – и только потом атака на деморализованного противника с подавленными пулеметами. Иначе никак».

Все это настолько не вязалось ни с рассказами отца, ни с тем, что им преподавали в училище, что корнет некоторое время пребывал в полном недоумении. Нет, по уму все оно, конечно, так – что такое пулемет, Андрей прекрасно представлял, а во времена деда и отца их еще не было. Но как же лихая атака? А славная рубка клинок в клинок? Это что – уже в прошлом? Господи, чем же их командиров в этих «пробных офицерских частях» так перекорежило, что они забыли славные гусарские традиции?

Но когда их Двенадцатый гусарский Ахтырский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полк был переведен в состав только еще формирующегося Первого конного корпуса, у Андрея появилась надежда. Ну как же, ежели создают такие огромные кавалерийские объединения, да еще оснащают их самым современным оружием и невиданной ранее боевой техникой

– значит, не все потеряно. Значит, будут и лихие атаки! Однако спустя всего лишь месяц после того, как они выгрузились в приволжской степи неподалеку от провинциального Вольска, корнет снова впал в уныние. Кавалерию по-прежнему готовили к какой-то странной войне. Марши, марши, марши, окопы, разведка, опять окопы и опять марши. Более того, как выяснилось, в состав корпуса входили не только бронеавтомобили, которые в отличие от пехоты вполне способны были угнаться за кавалерией на марше, как, впрочем, и подготовить своими пулеметами ту самую лихую кавалерийскую атаку, о которой мечтал корнет, но еще и какие-то саперные конновьючные бригады, по одной на дивизию. По тем задачам, которые они отрабатывали, можно было предположить, что основной целью всего формируемого конного корпуса было не что иное, как обеспечение действий этих самых саперных конно-вьючных бригад. А как иначе можно расценить подобное заявление начальника штаба дивизии: «Господа, одной из основных, едва ли даже не самой главной задачей, которую Генеральный штаб ставит перед объединениями, подобными нашему, будет являться разрушение транспортных путей противника, подрыв его способности маневрировать силами и средствами. Помните – одна уничтоженная колонка для воды равна убитому вражескому солдату, колонка для заправки автомобилей керосином – десяти солдатам, взорванная водокачка или небольшой железнодорожный мост – эскадрону, мост же через большую реку – полку. Если мы дезорганизуем противника в оперировании резервами – кавалерия в этой войне свою задачу выполнит». Ну и кому это может понравиться?..

– Вашскородь! – подскочил к корнету унтер Толубеев, из донцов, но не из казачьей семьи, каковые почти поголовно служили со своими, а из иногородних. – Кончили разгрузку. Куды дальше?

– Не знаю пока. Сейчас ротмистр от командира вернется – скажет.

…В приволжских степях они провели все прошлое лето и вернулись в свое расположение поздней осенью. Корпус, за лето набравший силу и стать, снова расползся по старым местам дислокации и как бы перестал существовать. Бронепоезда и броневики укатили к себе на Урал и в Магнитогорск, а кавалерийские полки, разъехавшись по зимним квартирам, занимались ремонтом[11 - Французское слово «remonte» означает замену или пополнение поголовья лошадей, и первоначально словом «ремонт» в России обозначали только такие действия. Лишь позже его значение сначала распространилось на любое восстановление дееспособности, в том числе устройств и механизмов.]

конского состава и снаряжения и обыденными делами.

Впрочем, эскадронные учения у них за зиму были три раза, а в апреле даже сподобились провести полковые. Хотя что это за учения? Опять все тот же двухнедельный марш с несколькими стрельбами. А с другой стороны, пехоте-то тяжелее приходится – ее гоняют не менее сильно, но на своих двоих. Это коня не заставишь двигаться дольше, чем он может, а человека… Поручик Герасимов из Псковского пехотного, с которым Андрей познакомился в отпуске, рассказывал, что их тоже ой как нагружают. Летом на учениях по сорок верст в день отмахивали, и так по четыре-пять дней подряд. С тех пор как приняли эту дурацкую систему индексации боевой готовности, командиры и сами спокойно не живут, и подчиненным житья не дают. А что делать? Чтобы твоя часть считалась соответствующей уровню Б, личный состав должен за год намотать не менее четырехсот верст пеших маршей, а также не менее четырех месяцев в году провести на полевых учениях. Из них не менее месяца – всем полком и сколько-то там еще в составе дивизии. Для кавалерии годовой маршевый норматив – семьсот верст, но по прикидкам Андрея за прошедшее лето они одолели куда больше.

Зиму и весну, за время которых в стране произошли бурные события, армия пережила довольно спокойно. Начальной стадии волнений под визги насчет «губительного для страны засилья романовской клики» военные и вовсе не заметили, потому что отношение к Алексею Романову за минувшие пару лет у армии сильно изменилось. Горячая ненависть к наглому флотскому выскочке, планомерно разваливающему армию, уступила место ясному осознанию того, что сделал для армии этот человек. Военные – вообще люди с довольно специфической мотивацией. Ну а как еще можно обозвать людей, готовых из-за каких-то отвлеченных понятий вроде долга и чести не только валяться в грязи, мерзнуть в окопах, совершать изнурительные марши и вообще существовать в скотских условиях, но и отдать за эти ну совершеннейшие глупости самое дорогое – жизнь! Они что, не считают это самым дорогим? Ну я же говорю – идиоты… Так вот, военные действительно готовы терпеть любые лишения и даже отдавать жизнь. И тем, кто берет на себя бремя определять, когда и где им настанет срок с жизнью распрощаться, они выдвигают единственное условие: это должно быть не зря. И великий князь Алексей Александрович сумел за последние три года убедить всех, кто носит погоны, что под его руководством вероятность гибели зря не исчезает, конечно, совсем, но становится куда меньшей. А вот шанс на победу, наоборот, заметно возрастает. Более того, он впервые со времен чудо-богатырей Суворова и воспитанников Кутузова, гордо пронесших свои знамена по улицам столицы Наполеона, сумел зародить у

русских военных ощущение того, что они – сильнейшие. Да, великий князь сделал это жестко, даже жестоко, ломая армию через колено, но он это сделал. А за это ощущение, за ясное осознание того, что сейчас ни одна армия мира и в подметки не годится русской, военные готовы были ему простить многое. Да наверное, всё готовы были простить…

Затем шумные газетные заголовки вообще стали привычными и привлекали не больше внимания, чем жужжание мухи, залетевшей между стекол. А с конца марта начались интенсивные стрельбы и эскадронные учения, плавно перетекшие в полковые, и всем снова стало ни до чего, кроме боевой подготовки. Ну а в конце мая их загрузили в вагоны и отправили в полевые лагеря, но на этот раз не в Поволжье, а в Царство Польское. Почему так – никто не знал. Впрочем, ходили слухи, что основной причиной подобной передислокации было то, что кавалерийские части, дислоцированные в Царстве Польском, отправились на это лето как раз в те места, где полк корнета Веснина провел прошлое. Мол, из них собираются создавать Третий и Четвертый конные корпуса, а поскольку еще и двух лет не прошло, как германец вовсю войной грозил, решили войска на западной границе не ослаблять…

Пока ждали ротмистра, эшелон успели отогнать, и к разгрузочной платформе медленно подполз следующий.

– Эх ты! – удивленно выпалил кто-то. – Никак блиндировики везут?

Корнет быстро обернулся. На приближающихся открытых платформах высились громоздкие конструкции, тщательно укрытые брезентом. Под грубой тканью угадывались очертания угловатого блиндированного корпуса с двумя пулеметными башнями на крыше. Веснин взволнованно сглотнул. Нет, он уже видел эти могучие сухопутные броненосцы вблизи и даже трогал их. Да что там – он познакомился с молодым подпоручиком, командиром четырех таких грозных машин, и тот прокатил его на своем командирском броневике. Но все равно, каждый раз оказываясь рядом с этими грозными машинами, Веснин испытывал волнение и в его голову закрадывалась мысль о том, что, может, стоит уйти из кавалерии, раз уж она ныне превратилась в передвигающуюся на лошадях пехоту, да попроситься в автобронеотряды.

– Путиловские, – авторитетно заявил кто-то.

– Какие тебе путиловские, дярёвня? – с насмешкой протянул унтер Толубеев. – Эвон, гля-кось, позади горб торчит. Это карман для запасного колеса, а такие только у магнитогорских бывают.

– Да ничего там не торчит, просто брезент так задрался. Ты вон лучше на башни погляди. Эвон створки по бокам от пулеметов торчат. Точно говорю – путиловские.

– А я тебе говорю… – развернулся к спорщику Толубеев. Но какие аргументы он еще собирался привести своему оппоненту, так и осталось неизвестным, потому что с левого фланга послышался протяжный голос ротмистра Ковринского:

– Эскадро-он, стройсь!..

Местом дислокации полка стали окрестности деревни Семятыче. Именно окрестности, поскольку в самой деревне разместились только штаб полка, конная батарея и эскадрон, в котором служил Веснин. Так что можно было сказать, им повезло, поскольку они поселились в избах, а не как остальные эскадроны – в полевом лагере неподалеку. Впрочем, командир полка «обрадовал», что это ненадолго. Эскадроны, дислоцированные в полевом лагере, и тот, что стоит в деревне, будут периодически меняться местами. Ну, чтобы никому не было обидно.

Весь июнь прошел в интенсивной учебе. Конечно, особенно им здесь было не развернуться – это вам не приволжские степи. В привисленских губерниях плотность населения была самой высокой по всей Российской империи – крестьяне уже давно распахали все мало-мальски пригодные для сева клочки земли, и эскадронам для совершения маршей приходилось пользоваться либо дорогами, что командование не сильно одобряло, так как «в условиях войны именно на дорогах противник чаще всего устраивает засады», либо осваивать нелегкую науку движения напрямик, через леса, с форсированием небольших речек вплавь или на подручных средствах. Слава богу, леса здесь были не в пример родным, русским, – чистые, свободные от сухостоя, бурелома и даже шишек. Местные крестьяне постарались: на порубку леса ведь надобно разрешение оформлять, опять же платить за нее, а шишки, сухостой и бурелом – топливо бесплатное. Да еще и при удаче самому можно копеечку заработать, опять же за очистку леса. Так что в здешних лесах кое-где можно было позволить себе такое, что в русских являлось делом совершенно уж невозможным – движение подразделений верхами, да не по натоптанным

тропам, а по азимуту и карте.

А 30 июня выезжавший в Варшаву полковой жандарм поручик Сеславин привез шокирующую весть о том, что в Сараеве, столице отторгнутой Австро-Венгрией у Османской Порты Боснии, сербским террористом Гаврилой Принципом убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник престарелого императора двуединой монархии неблагодарного Франца Иосифа[12 - Двуединая монархия – распространенное наименование Австро-Венгрии. Неблагодарность же Франца Иосифа I состояла в том, что именно русские войска, направленные ему в поддержку по Варшавскому договору 1848 г., помогли австрийскому императору удержать свою империю от распада. После чего он стал самым последовательным и непримиримым врагом России.].

– Так это что ж, господа, война? – прямо поставил вопрос начальник штаба подполковник Трауберг, после того как в избе, отведенной под полковое офицерское собрание, была громко прочитана единственная привезенная поручиком газета. При этом взгляд подполковника устремился на поручика, сыгравшего роль «гонца печали».

Должность полковых жандармов была введена не так давно, всего пару лет назад, в процессе реформы армии. Поначалу офицерство встретило это в штыки. Жандарм среди строевых офицеров? Да это просто неприлично! Но поскольку нововведение настойчиво продвигал сам великий князь, всячески подчеркивая, что это его, только его и именно его идея и что основной задачей полкового жандарма станет не поиск крамолы, а борьба с вражеской агентурой, допросы пленных и предупреждение распространения влияния «социалистов» среди нижних чинов, все постепенно успокоилось. К тому же изрядное число новоиспеченных полковых жандармов оказалось из таких же, как и они, армеутов, просто прошедших переподготовку на специальных курсах в Отдельном жандармском корпусе. В итоге уровень неприязни еще больше снизился. И хотя поручик Сеславин был как раз не из армейских, а изначально из жандармского корпуса, то, что он показал себя отменным кавалеристом, а также обладал острым умом, наблюдательностью и весьма ироничным взглядом на жизнь, довольно быстро заставило офицеров относиться к нему если не с уважением, то без неприязни. Да и фамилия у него была вполне себе гусарская[13 - Однофамилец поручика – Александр Никитич Сеславин, гусар, генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., прославился партизанскими действиями и большой личной храбростью.]. И как-то само собой сложилось, что поручик стал одним из тех, к кому непременно обращались за разъяснениями в

случае непоняток.

– Да нэт, нэ будет никакой войны, – тут же подал голос командир второго эскадрона Георгий Карабуло-оглы. – Нэ рискнут гэрманцы! В одиннадцатом году нэ рискнули и сейчас тоже нэ рискнут.

– Ну, не скажите, князь, не скажите, – не согласился ротмистр Ковринский. – Сейчас, чай, не одиннадцатый год. Тогда-то мы сами не стали на рожон лезть. Потому как помните, в каком состоянии была армия. Сейчас же другое дело. Сейчас мы куда сильнее. И я считаю, государь точно не потерпит умаления чести Российской империи и твердо укажет зарвавшимся австриякам на их действительное место. А германцы за австрияков непременно вступятся.

– Да другое-то, оно, конечно, другое… – вздохнул начальник штаба. – Да только все не так хорошо, как хотелось бы. Сами знаете, господа, что и по вооружению, и по личному составу у нас покамест некомплект.

Это да, это знали. По штату в каждом эскадроне положено было иметь по два пулемета Мосина – Федорова, между тем как на самом деле их было два на весь полк. Вследствие чего из пулеметчиков всех эскадронов был сформирован отдельный пулеметный взвод, в котором они и занимались изучением материальной части на имеющихся пулеметах, появляясь в своих эскадронах только на время эскадронных и полковых учений.

– Ну, я думаю, господа, – послышался голос поручика Сеславина, – это аргумент скорее не против, а за войну…

– Почему это?

– Всё просто, господа, – усмехнулся поручик. – Для того чтобы при наличии повода война все же не состоялась, требуется совместное желание обеих конфликтующих сторон. А я считаю, что в настоящий момент Австро-Венгрия и, что самое главное, Германия такого желания не выкажут. Более того, я практически уверен, что на этот раз Тройственный союз намерен непременно довести дело до войны. – Поручик сделал паузу, прищурился, окинул взглядом офицеров, внимательно смотревших на него в ожидании продолжения, и усмехнулся: – Ну подумайте сами, господа. С одной стороны, теперь Германия воспринимает нас всерьез. Это три года назад немцы, старательно собрав все

небылицы, что строчили о русской армии господа журналисты, и все те возмущенные письма и обращения, которые пачками слали государю русские ветераны, слезно умолявшие дать по рукам великому князю Алексею Александровичу и остановить разрушение армии (эти письма с удовольствием публиковали те же газеты)… так вот, три года назад немцы могли считать, что армии у нас нет. Год назад им стало понятно, что в русской армии все не настолько плохо, как говорят и пишут господа журналисты. Но из-за того, каким образом происходила военная реформа, русская армия на некоторое время оказалась лишена подготовленных резервов, а запасы вооружения, по немецким оценкам, еще довольно долго не должны были достичь необходимого уровня. Однако, господа, мы все знаем, что германцы отнюдь не глупы. И что у них очень неплохая разведка. Поэтому я уверен, что сегодня они прекрасно понимают, что их ставка на вечную российскую лень и безалаберность отчего-то не оправдалась. И что еще год-два – и у нас будет все, что нам надо: и резервы, и оружие, и все остальное. Между тем война между Антантой и Тройственным союзом неизбежна. А значит, у них есть очень короткий промежуток времени, для того чтобы сокрушить нас, пока мы еще не набрали силу и пока они… подчеркиваю, господа, – пока они сильнее нас.

– Так-таки сильнее? – вскинулся командир второго эскадрона. – Нэ согласен!

– Может быть, вы и правы, – усмехнулся поручик. – Более того, вы наверняка правы. Но немцы считают иначе. Потому что если они с нами согласны – это означает, что они упустили момент. Впрочем, не стоит торопиться, давайте посмотрим, как будут развиваться события. Если я прав – это станет быстро понятно из того, что градус воинственности в заявлениях сторон возрастет.

Июль прошел во всеобщем возбуждении и еще более интенсивной боевой учебе. Марши напрямую через лес, ставшие едва ли не основным средством передвижения эскадронов, регулярно оканчивались травмами личного и конского состава и матом отцов-командиров, когда ведомые ими подразделения упирались в неотмеченный на карте овраг, болото или лесное озерцо с топкими берегами. Однако чем дальше, тем больше командиры учились соотносить сведения, полученные изучением карт, и ранее почти незаметные глазу признаки типа количества мха, состава почвы под копытами лошадей, общего уклона местности и так далее, и делать правильные выводы. Это позволяло обходить препятствия задолго до того, как намеченный маршрут заведет подразделения в такие места, откуда выбраться будет сложно, и тем самым

соблюдать расчетные сроки выдвижения.

Первого августа пришло сообщение об объявлении Германией войны России. Командир полка выстроил личный состав, зачитал текст заявления Германии и обращения государя-императора к русским воинам, после чего сообщил, что получен приказ о выдвижении к границе.

Как ни странно, громких обсуждений и споров не было. После того разговора на полковом офицерском собрании все как-то уже свыклись с мыслью, что война неизбежна. Так что подготовку к маршу провели вполне обыденно. Ну марш и марш. С учетом обхода Варшавы всего-то около четырех сотен верст – это восемь дней, а со всякими непредвиденными задержками и дневкой на отдых – максимум десять. Впервой, что ли?

В окрестности губернского города Калиш, расположенного почти на российско-германской границе, полк прибыл 9 августа, одним из первых в корпусе. Впрочем, скорость передвижения частей и соединений корпуса была такова, что никто не сомневался: он закончит передислокацию не позднее чем через три дня. Но про корпус пусть голова у корпусного начальника болит. Им же сейчас следовало заняться насущными проблемами – перековать лошадей, произвести необходимый ремонт, починить и, если надо, обновить сбрую и снаряжение. А также – вот удивительно – дополучить положенное по штату вооружение.

– Да уж, господа, – озадаченно сказал ротмистр Ковринский, кивая на пару новеньких, в смазке, пулеметов Мосина – Федорова, – не ожидал, что до начала боевых действий всё получить успеем. Что-то у нас с интендантами случилось, не иначе… Ладно, сейчас не об этом. Через два дня наша очередь пользоваться стрельбищем, которое первый эскадрон в овраге неподалеку от деревни Дембе оборудовал. Так что надобно еще раз, и как следует, проверить всех подчиненных и пристрелять оружие. Особенно пулеметы. Они, сами видите, с завода, как пристреляны – один Бог знает. И не забывайте о мерах маскировки и о боевом охранении.

Веснин поморщился. Ну какая глупость – двигаться по родной стране так, будто тут на каждом дереве сидит по вражескому разведчику. Нет, когда это все делается в учебных целях – оно понятно. Но они-то на войну идут, пора бы уж прекратить в игрушки играть.

Калиш по губернским меркам оказался совсем небольшим городом. Зато, по утверждению его жителей, это был самый старый город Польши, ведущий свою историю от древнеримской колонии Кализии, упомянутой еще во II веке греком Клавдием Птолемеем в «Географическом обзоре». И вполне понятно, что в столь старом городе оказалось достаточно питейных заведений, чтобы соскучившимся по такому времяпрепровождению господам офицерам пришла мысль собраться в одном из них за уже давно забытой «чарой зелена вина». А там, что опять же понятно, разговор снова закрутился вокруг предстоящей войны и всего ей сопутствующего. Когда корнет в сердцах высказался «о дурацких мерах маскировки», большинство молодых офицеров его горячо поддержали – ну глупость же несусветная! Потому как если никаких агентов нет – то от кого маскироваться, а если есть – так все одно не поможет, ибо надо быть полным дураком, чтобы не заметить, что здесь, в окрестностях Калиша, накопилось гигантское количество войск, которые вот-вот перейдут в наступление. А в том, что приказ на наступление должен поступить уже скоро, никто не сомневался – и так газеты были полны отчаянными призывами французов к русским исполнить-таки свой союзнический долг и ударить по немцам. Дела у «лягушатников» шли довольно плохо: немцы перли на них всей силой, и поделать с этим французы пока ничего не могли. А кроме того, были и другие, более приземленные, но не менее понятные признаки типа распоряжения закончить все мероприятия по ремонту и перековке лошадей к 17 августа…

– Вы не правы, господа, – вмешался даже не в спор, а в дружный хор молодых офицеров, возмущавшихся глупыми распоряжениями, поручик Сеславин. – Германцы совершенно не ожидают от нас наступления в ближайшие дни.

– А вы что, господин поручик, считаете, что здесь совсем нет немецких агентов?

– Ну как не быть? – усмехнулся Сеславин. – Непременно есть. Здесь же граница, следовательно, обязательно есть контрабандисты. А этим господам по большому счету все равно, чем зарабатывать – нелегальной перевозкой товара или информации. Информация так и вообще лучше – меньше места занимает, можно еще и товара для себя, любимого, прихватить. А должен вам сказать, для того чтобы получить необходимые ответы там, – он кивнул в сторону германской границы, – здесь, на этой стороне, совсем не нужен специально подготовленный агент. Достаточно правильно поставить вопросы, причем довольно простые – и необходимые ответы будут доставлены вам, можно сказать, на блюдечке.

– И что, после всего сказанного вами вы продолжаете считать, что все эти нормы маскировки и непременное множественное боевое охранение, из-за которых нас так гоняют, действительно помогают скрыть наше сосредоточение?

Поручик рассмеялся:

– Ну что вы, конечно же нет. Немцы точно знают, что здесь разворачиваются войска, и, можете мне поверить, прекрасно осведомлены и о составе, и о принадлежности этих войск. Но… это-то их и обманывает. Короче, они совершенно уверены, что в ближайшее время никакого русского наступления с этого направления не будет.

– То есть?..

– Ну как же, господа, – ехидно улыбнулся поручик, – неужели непонятно?

Все молча смотрели на него, ожидая продолжения. Сеславин несколько мгновений наслаждался произведенным впечатлением, а затем смилостивился и пояснил:

– Господа, мы с вами уже давно учимся совсем по другим программам и другой тактике. И потому многое из того, что является для нас очевидным, для наших противников таковым отнюдь не является. Да, мы с вами уже точно знаем, что кавалерия в современной войне – это по большей части просто посаженная на коней для пущей мобильности пехота. А подавляющее большинство тех, кто действительно принимает решения и отдает приказы на той стороне, до сих пор совершенно уверены, что кавалерия – это кавалерия и ничего больше. При этом они точно так же совершенно уверены в том, что одной кавалерией не наступают. Произвести поиск – да, совершить обход, выйти в тыл – непременно, развернуть беспокоящие действия – однозначно. Но не более. Для серьезного наступления необходима пехота. Много пехоты. Куда больше, чем кавалерии, поскольку кавалерия – всего лишь поддержка для пехоты, составляющей основную силу современной армии. А что им доносят агенты?

– Ух ты! – ошеломленно выдохнул Веснин.

Вот черт, как только жандарм четко и по порядку изложил факты, все сразу стало понятно. Ну да, германцы знают, что здесь, под Калишем,

сосредотачиваются войска, много войск, но исключительно кавалерия. И какие же выводы они делают? Да один – надо ждать, когда начнет прибывать русская пехота. Если кавалерии так много, то уж пехоты-то должно быть немерено. Обычное соотношение кавалерии и пехоты в тех тактических построениях уровня дивизии и выше, о которых Веснину говорили в училище, было как минимум четыре к одному. А значит, разгружаться и сосредотачиваться эта пехота будет очень долго. Настолько долго, что, учитывая пропускную способность своих железных дорог, немцы успеют перебросить сюда достаточно подкреплений еще до того, как русские сосредоточат здесь силы, запланированные для наступления. И это создает русским еще один выигрыш. Можно не сомневаться, что до того, как боевые действия выйдут за пределы пятидесятиверстной зоны вдоль границы, немцы будут считать их обычным кавалерийским рейдом. А если учесть, что русские явно будут активно нарушать их связь и вообще действовать так, как уже второй год тренируются на учениях, то прежде чем они опомнятся и поймут: что-то идет не так, создастся вполне реальная вероятность разгромить все их немногочисленные ландверные части, которые прикрывают эту границу, и уйти в отрыв. А там… полк Веснина был вполне способен походным порядком давать в день по пятьдесят верст и держать это темп не менее недели. И корнет был уверен, что другие полки их дивизии, да и самого корпуса подготовлены ничуть не хуже. А до Берлина-то отсюда всего три с половиной сотни верст – неделя марша…

Корнет восторженно прикрыл глаза. Вот бы попасть в передовой дозор и первым ворваться во вражескую столицу!

– Так это мы что же, на Берлин пойдем? – дрожащим от восторга голосом спросил он.

Все дружно рассмеялись. А поручик покачал головой:

– Ну это вряд ли, корнет. Я, конечно, не строевой офицер, а «жандармская сволочь», но даже мне ясно, что Берлин нам германцы не отдадут. С их железнодорожной сетью они вполне успеют перебросить на восток несколько корпусов еще до того, как мы выйдем к предместьям. А рассчитывать на то, что они глупцы и опомнятся слишком поздно, я бы тоже не стал. Но… просчитали вы ситуацию хорошо. Уважаю.

И Андрей Веснин, у которого после того, как его предположение все так дружно подняли на смех, настроение тут же рухнуло куда-то в район носков его

щегольских остроносых кавалерийских сапог, внезапно почувствовал к жандарму странную благодарность. Это было необычно. Он, боевой офицер, и вдруг испытывает к жандарму нечто иное, кроме презрения? Ну ладно, презрения к поручику он, как и большинство офицеров полка, уже давно не испытывал. Но благодарность… Ой, что-то меняется в этом лучшем из миров, что-то меняется…

– Но зачем же тогда все эти меры маскировки?

– Ну, это распоряжение военного командования. Так что я могу только догадываться… – делано заскромничал жандарм.

– Да ладно вам, поручик, – прервал его ротмистр Ковринский, – все знают, что у вас, жандармов, отличные мозги, нам, армеутам, не чета. Да и пронырливы вы – куда там змеям. Так что давайте делитесь.

– Ну хорошо… Но прошу учесть, что это всего лишь мои предположения и не более. Не считайте мои слова за абсолютную истину – все может быть совсем не так, как мне представляется… Во-первых, господа, само по себе сосредоточение войск рядом с границей без каких бы то ни было мер маскировки может быть подозрительным. Но это не главное. Главное, чтобы вы заранее привыкли соблюдать меры маскировки и чтобы на той стороне вы принимали их уже вполне естественно и привычно. А уж там они вам точно пригодятся…

Приказ на наступление пришел в обед девятнадцатого числа. А в семнадцать часов их собрал командир полка для постановки боевой задачи.

– А что, господин поручик, – обратился Веснин к севшему неподалеку Сеславину, – господа германцы успеют подготовиться? Небось господа контрабандисты сейчас на ту сторону бегут – только пятки сверкают.

– Не думаю, – спокойно сказал жандарм. – Насколько я знаю, уже вчера вечером все отряды Отдельного корпуса пограничной стражи подняты в ружье и с того момента в полном составе торчат на границе с задачей исключить движение через нее кого бы то ни было. Так что даже если господам контрабандистам и есть что сообщить своим хозяевам – добраться до них они пока не могут. И не смогут еще несколько дней.

Корнет удивленно покачал головой. Вот оно как все поворачивается-то… Испокон веку было так, что армия – отдельно, а пограничники или те же жандармы – опять же отдельно. А ныне как все переплелось…

После постановки боевой задачи, которая произвела на Веснина сильное впечатление в первую очередь тем, что командир полка знал, казалось, расположение каждой роты противника в полосе наступлений полка, всех отправили спать. Подниматься предстояло в полночь, затем должен был состояться марш, потом оборудование позиций – и бой, причем, весьма вероятно, с превосходящими силами противника. План первого дня наступления был разработан весьма искусно. Германцы должны были опомниться только часам к десяти утра, после чего начать дергаться, не имея возможности получить полную достоверную информацию и располагая лишь фрагментами сведений, которые призваны были заставить их действовать определенным образом и двигать ресурсы туда, где их уже будут ждать. И все это должно было закончиться тем, что часам к четырем дня германский ландверный пехотный батальон, единственная организованная воинская часть в полосе наступления полка Веснина, окажется перед подготовленными к обороне русскими позициями.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На самом деле точно такая же ситуация возникла и при постройке Днепрогэс в реальной истории. Проект с тремя последовательными плотинами, подготовленный инженером Графтио, также оказывался и на треть мощнее, и

заметно дешевле. И дело было не в отсталости промышленности России/СССР того времени, ибо оборудование для Днепрогэс изготавливалось на лучших предприятиях. Концерн Круппа, например, делал трансформаторы и строительное оборудование – лесопильный завод и камнедробилки, а «Дженерал электрик» изготовила турбины. Шесть инженеров-консультантов – Франк Фейфер, Вильгельм Меффи, Фридрих Винтер, Георг Биндер, возглавляемые шеф-консультантом Хью Купером и инженером «Дженерал электрик» Чарльзом Томсоном, – были награждены орденами Трудового Красного Знамени. То есть уровень технологий и консультаций был очень высок. Проект одной плотины продавил Сталин. Ну захотелось ему. Денег, видно, было в СССР в то время в избытке. Куры не клевали… (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Александр Федорович Миддендорф – основоположник мерзлотоведения, российский путешественник, географ, ботаник и натуралист. В период своей экспедиции в Северную Сибирь и на Дальний Восток в 1842–1845 гг. открыл плато Путорана, стал первым исследователем полуострова Таймыр, Северо-Сибирской низменности, Амурско-Зейской равнины, Станового хребта, нижней части бассейна Амура, южного побережья Охотского моря, Удско-Тугурского Приохотья, Шантарских островов. Отчет Миддендорфа об экспедиции был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири.

3

Создание Рыбинского водохранилища потребовало переселить на новые места 130 тысяч человек – жителей 663 селений и города Мологи. Были затоплены три четверти территории Весьегонска, Леушинский монастырь и Югская пустынь. Ушла под воду и была изъята из хозяйственного оборота восьмая часть ярославской земли, в том числе 80 тысяч га лучших в Поволжье пойменных заливных лугов, травы которых по своему качеству не уступали травам с альпийских лугов, более 70 тысяч га веками возделываемой пашни, более 30 тысяч га высокопродуктивных пастбищ, более 250 тысяч га грибных и ягодных лесов. Лето стало более влажным и прохладным, в окрестностях перестали

вызревать пшеница и лен.

4

История взаимоотношений крупного капитала и революционеров крайне сложна и запутана, но, как сегодня уже совершенно ясно, не имеет под собой практически никаких идеальных мотивов. То есть «сочувствие» того же Саввы Морозова или, скажем, бакинских нефтепромышленников революционным идеям объясняется чисто меркантильными причинами – от банального рэкета революционеров, построенного на угрозе организовать забастовки на предприятиях, принадлежащих промышленникам, до исполнения проплаченных заказов на беспорядки и парализацию работы на предприятиях конкурентов.

5

Летчиков-наблюдателей. На заре авиации пилотирование самолета требовало постоянного внимания, технических же средств разведки еще не существовало, поэтому в составы экипажей самолетов-разведчиков начали включать специальных летчиков-наблюдателей. Эта профессия существует до сих пор, например в пожарной авиации, а в ВВС на смену летнабам пришли авиационные фотоаппараты и станции инфракрасной и радиолокационной разведки.

6

Александр Карлович фон Мекк – основатель и председатель Русского горного общества.

7

Нумерология – система знаний или верований о мистических или эзотерических связях между числами и физическими объектами или живыми существами и их сознанием.

8

«Конец истории и последний человек» (The End of History and the Last Man) – вышедшая в 1992 г., сразу после краха СССР, книга влиятельного американского философа, политического экономиста и писателя японского происхождения Фрэнсиса Ёсихиро Фукуямы, в которой он заявляет, что века страданий и поисков позади и человечество наконец-то нашло наилучшую форму своей организации, непременно ведущую ко всеобщему счастью.

9

Испанский грипп, или «испанка», был, вероятнее всего, самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества. В 1918–1919 гг. за 18 месяцев от «испанки» умерло 50–100 млн человек, или 2,7–5,3 % населения Земли. Было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой войны и быстро затмила это крупнейшее кровопролитие по масштабу жертв.

10

Кембриджская пятерка – ядро сети советских агентов в Великобритании, завербованных в 1930-х гг. в Кембриджском университете. Состояла из лиц, принадлежащих к высшим слоям английского общества. Так, например, один из членов пятерки, Энтони Блант, был родственником самой Елизаветы II и советником ее отца короля Георга VI; другой, Ким Филби, – дальним родственником маршала Монтгомери; третий, Дональд Маклин, – сыном

министра.

11

Французское слово «remonte» означает замену или пополнение поголовья лошадей, и первоначально словом «ремонт» в России обозначали только такие действия. Лишь позже его значение сначала распространилось на любое восстановление дееспособности, в том числе устройств и механизмов.

12

Двуединая монархия – распространенное наименование Австро-Венгрии. Неблагодарность же Франца Иосифа I состояла в том, что именно русские войска, направленные ему в поддержку по Варшавскому договору 1848 г., помогли австрийскому императору удержать свою империю от распада. После чего он стал самым последовательным и непримиримым врагом России.

13

Однофамилец поручика – Александр Никитич Сеславин, гусар, генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., прославился партизанскими действиями и большой личной храбростью.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/voyna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить